

ISSN 0869—4788

ОКТЯБРЬ

102PA

10.92

Фото Л. Березницкого

Югра
№ 10 (12), октябрь 1992 г.

Издается
с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц

**Редакционная
коллегия:**

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. И. Коняев (ответственный секретарь),

Л. В. Луцкай

Т. А. Молданова

Технический редактор,

Н. Б. Баталова

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журналы в любом количестве можно приобрести в редакции.

Подписаться на журнал можно с любого номера в местном узле связи. О случаях отказа в оформлении подписки просим сообщать в редакцию.

Сдано в набор 06.10.92.
Подписано в печать 29.10.92.
Формат 60x84 /16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.
Тираж 2300. Заказ № 2509.
Цена 3 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской типографии п/о «Исеть» управления печати и массовой информации администрации Курганской области. 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Историко-культурный журнал.
Учредители — администрация Ханты-Мансийского автономного округа и нефтяная акционерная компания «Аки-Отыр».

В НОМЕРЕ:

Н. Бердяев. Слова и реальности в общественной жизни	2
Новости культуры	4
Н. Чесноков. Чувство прекрасного	6
Татьяна и Тимофей Молдановы. В согласии с законами земли	8
Ю. Нялинский. Архив Александра Заева	9
Читатели об «Югре»	11
Ю. Надточий. Порадуемся и позавидуем	12
В. Константинов. Ученикам об учителях	15
М. Гаврилов. Основатель и первый директор	17
А. Кузнецов. Ловля уток перевесами	20
Тобольские губернские ведомости	22
И. Петров. Три центра	23
Г. Тимофеев. Сибирское областничество	25
Н. Ядринцев. К моей автобиографии	29
Н. Патрикеев. Первые шаги народного образования в округе	37
И. Каскин. У родного Чугаса	39
А. Н. Радищев. Слово о Ермаке	44
Н. Шамсутдинов. Покоритель. Стихи	45
Г. Слинкина. Духовная моя наставница	47
Г. Слинкина, Т. Чучелина. Как щука себе голову сделала. Сказка	49
Е. Ромбандеева. Обряд, связанный с медвежьим праздником	50
Т. Молданова. Орнамент	54
Говорите по-мансийски	56
В. Королев. Самодельная палатка	57
М. Заплатин. Тапсватпауль: зимние дни (продолжение)	58
Ю. Гордеев. Береговая ласточка	62

Н. Бердяев

СЛОВА И РЕАЛЬНОСТИ

Многие думают, что главная беда России в том, что русское общество недостаточно либерально или радикально, и ждут многого от поворота нашего общества влево в традиционном смысле этого слова. И в этом мнении сказывается фатальная для нас власть слов и формальных понятий. Наше общество — либеральное и левое, но этот либерализм и эта левость — бессильны и выражаются по преимуществу в оппозиционной настроенности или негодовании. Главная беда России — не в недостатке левости, которая может возрастать без всяких существенных изменений для русской общественности, а в плохой общественной клетке, в недостатке настоящих людей, которых история могла бы призвать для реального, подлинно радикального преобразования России, в слабости русской воли, в недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины. Русскому обществу недостает характера, способности определяться изнутри. Русского человека слишком легко заедает «среда», и он слишком подвержен эмоциональным реакциям на все внешнее. «Радикалы» и «левые» могут быть совершенно негодным материалом для новой, возрожденной России. Не следует поддаваться иллюзиям словосочетаний. Важно и существенно, каков сам человек и каков народ, а не каковы его словесные лозунги и отвлеченные политические понятия.

Так, например, наши «правые» были плохим материалом для истинного консерватизма. Они всегда были скорее разрушителями, чем охранителями ка-

ких-либо ценностей. Патриотическая, национальная, государственная фразеология правых — слова, слова и слова. Наши правые круги лишены истинного государственного и национального сознания. Такое сознание можно встретить у отдельных лиц, но не у общественных слоев и групп. Полное отсутствие настоящего консерватизма — фатальная особенность России. «Правая» Россия начала уже разлагаться, когда «левая» Россия еще не вполне созрела. Все приходит у нас слишком поздно. И мы слишком долго находимся в переходном состоянии, в каком-то междуцарствии.

[..] Пафос правдолюбия — великий пафос народа. А вокруг наших слов, формул и понятий, правых, левых и средних, накопилось слишком много условной лжи и гнили. Поистине, одну великую революцию предстоит нам совершить, революцию свержения ложных и лживых, пустых и выветрившихся слов, формул и понятий. Нужно перестать бояться ярлыков, которые так любят наклеивать, чтобы словесно ими возвеличивать или унижать людей. Нужно прозревать за словами реальности. А настоящее прозрение есть также презрение к многому, ничтожному и несущему. Так должно совершиться воспитание самостоятельности общественного характера, созревание самостоятельной общественной мысли.

Трагедия войны дает перевес делам над словами — она выявляет реальности и низвергает фикции. Так, правая бюрократия со своей национально-государственной фразеологией явно жила фик-

В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

циями и пустыми словами. Это обнаружено. Ложь низвергнута. Теперь уже яснее становится, кто действительно патриот, кто любит свою родину и готов служить ей. Слова националистов взвешены на весах истории. В прошлую зиму у нас начало было распространяться лже-патриотическое настроение, не допускавшее в России самокритики, настроение безответственное и приводившее к самохвальству. У одних оно выражалось в реставрации религиозно-славянофильской фразеологии, более возвышенной, у других — фразеологии государственно-националистической, менее возвышенной. Но эти настроения были сметены событиями. В это лето начался подлинный, здоровый патриотический подъем, возросло чувство общественной ответственности, которое всегда предполагает самокритику. Словам и фикциям противопоставлены реальности. Нездоровый патриотизм, боявшийся правды и выражавшийся в словесной идеализации того, что есть, заменяется здоровым патриотизмом, глядящим бесстрашно в глаза самой горькой правде, выражающимся в служении тому, что должно быть. И дышать стало легче, хотя события мрачны и тяжелы. Можно говорить правду и призывать к делам правды. В той удушливой атмосфере, которая одно время образовалась, могли раздаваться лишь лживые слова, расцветали лишь фиктивные идеологии.

Для низвержения фиктивной власти слов нужна свобода слова. В атмосфере несвободы процветают пустые слова — и они неопровержимы. Слово само по

себе божественно, и божественный смысл слов может быть выявлен лишь в атмосфере свободы, реализм слов в борьбе побеждает номинализм слов. Несвобода питает пустую фразеологию «левую» и пустую фразеологию «правую». Реальности, стоящие за словами, не могут быть выявлены. Совершенная свобода слова есть единственная реальная борьба с злоупотреблением словами, с вырождением слов. Только в свободе правда слов победит ложь слов, реализм победит номинализм. Свобода слов ведет к естественному подбору слов, к выживанию слов жизненных и подлинных. Лживые и пустые слова будут продолжать звучать, но они не будут иметь того ореола, который создается для них атмосферой гнета и подавленности.

Сделайте слово более властным, и прекратится власть слов над общественной жизнью: слова-реальности победят слова-фикции. Свобода ведет к ответственности. Несвобода все делает безответственным. Восстановление смысла слов, правдивого, реального и полноценного употребления слов ведет к тому сознанию, что общество наше должно не переодеться, хотя бы в самый радикальный костюм, не покровы переменить, а действительно переродиться, изменить ткань свою. Власть слов была властью внешнего. А мы должны обратиться к внутреннему. Вся жизнь должна начать определяться изнутри, а не извне, из глубины воли, а не из поверхностной среды.

(«Судьба России»).

1918 г.

(К 25-летию Нефтеюганска)

Фестиваль не за горами

В Нефтеюганске ведется подготовка к предстоящему летом будущего года 4-ому Международному фольклорному фестивалю финно-угорских народов. Создан городской организационный комитет, в который вошли руководители города, различных комитетов и служб, работники культуры и журналисты.

В программу фестиваля войдет знакомство гостей и его участников с культурой и бытом народов Севера, народными промыслами и декоративно-прикладным искусством. В этих целях в городском краеведческом музее открылась этнографическая выставка «Ремесла и промыслы народов ханты», состоящая из трех разделов: «Охота», «Рыбная ловля», «Предметы домашнего обихода и украшения». Все экспонаты, а это — зимняя и летняя одежда, грузовые нарты, лодка-облас, берестяная и медная посуда, сумочки для рукоделия и украшения из бисера, орудия труда и охоты и т. д. — дарованы музеем жителями национальных поселков и стойбищ района. Неоценимую помощь в оформлении выставки оказал местный фотохудожник Боднарь Александр Юрьевич. В книге отзывов появились благожелательные отзывы первых посетителей, среди которых особенно много иностранцев — гостей города.

В планах оргкомитета — создание специального фонда и проведение телерадио-марафона, на котором трудовые коллективы предприятий, организаций, кооперативов и отдельные граждане смогут оказать посильную помощь в проведении праздника. Запланированы также экскурсии по достопримечательным местам, ярмарка-распродажа товаров традиционных отраслей и национальных художественных промыслов. Пройдут творческие встречи участников и гостей фестиваля с трудовыми коллективами, соревнования по национальным видам спорта, книжные выставки. А комитет по культуре и ассоциация «Спасение Югры» обещают приготовить интересные сувениры для нефтеюганцев.

Пой, гитара!

21-23 августа состоялся третий, ставший уже традиционным, городской фестиваль авторской песни, организованный ДК «Юндсть» и клубом самодеятельной песни «Дорога». На празднике, проводившемся в палаточном лагере на живописном берегу Оби, присутствовали гости из района, округа, области. Прошло три концерта — «свободный микрофон», фестивальный конкурсный концерт и традиционная «чайхана». Кроме того, работала дискотека, проводились спортивные мероприятия. Три дня встреч и выступлений подарили бардам много новых песен и друзей. Они надеются на встречу в будущем году.

Будет храм

В Нефтеюганске очищена территория под новую пятиглавую церковь. На духовном празднике присутствовал епископ Тобольско-Тюменский Дмитрий со священством из других городов. В празднестве также приняли участие семинаристы Тобольской духовной семинарии. В этот день был заложен и освящен краеугольный камень будущего храма.

Художественный салон

Шесть лет назад нефтеюганские художники после своей первой выставки объединились вокруг городского музея. И теперь по мере накопления работ сдают их в художественный салон, где регулярно проводится выставка-продажа по договорным ценам. У музея появились постоянные заказчики. Акварели А. Джемалинской пользуются большим спросом за границей. Работы А. Жевакина, Ф. Михайлова, А. Николаина, А. Кузнецова и других охотно покупаются организациями, коллекционерами. Помимо живописи в салоне выставляются и продаются по доступным ценам детские глиняные игрушки. Проведено несколько аукционов. В планах салона — утвердить свой, постоянный художественный совет, который решал бы все организационные вопросы. Ведется работа по созданию небольшого цеха по изготовлению глиняных сувениров. Решается вопрос с открытием собственного счета — ведь сейчас нельзя брать с иностранцев валюту, а она не помешала бы и салону, и городу. Здесь считают, что рынок есть рынок, надо делать ставку на продажу, но при этом не забывают, что продажа — не самоцель.

Дофантазировалась!

Еще в начале нынешнего года во Дворец культуры «Строитель» из Москвы пришла телеграмма: «Оргкомитет конкурса детского рисунка «Подводные фантазии» сообщает, что по итогам конкурса для экспонирования выставки во Франции отобрана работа учащейся вашей ИЗОстудии Куликовой Нади».

Остается добавить, что выставка, организованная в рамках 18-го Всемирного фестиваля изображения подводного мира, состоялась в Париже. Работа Нади Куликовой (преподаватель Заботина Л. И.) получила высокую оценку.

Песне дарована жизнь

Весной в Нефтеюганске был объявлен конкурс на лучшую песню о городе. Свой текст подготовил и мастер центральной базы производственного обслуживания бурового оборудования Николай Кислицын. Музыку написал преподаватель музыкальной школы Сергей Керженцев. С песней вышли на заключительный тур конкурса. Теперь дело стало за исполнителем. Найти его оказалось не просто. Авторы отчаялись. В ДК «Строитель», где проводился заключительный тур, они пришли уже в качестве зрителей. Каково же было удивление Николая Кислицына, когда ему сообщили, что на его стихи написал песню известный ленинградский композитор Александр Морозов. В свой последний приезд в Нефтеюганск композитор взял подборку текстов, представленных на конкурс, и остановил свой выбор на стихах Кислицына. Песне Морозова на слова Кислицына присуждено первое место. Она получила признание в городе, прозвучала по «Маяку».

Спасибо спонсору

Осенью ожидается приезд в город журналистов канадской телекомпании Си-Би-Си, которые намерены снять продолжение полторачасового фильма о совместном предприятии Юганскфракмастер. Главными героями будущего фильма станут и семеро юганских детей, побывавших во время летних каникул в Калгари. Семеро счастливых посетили Музей всех народов, национальный город-парк Бенфе, музей динозавров. Поездка стала возможной благодаря спонсору — Юганскфракмастеру, выделившему 40 тысяч долларов.

ЧУВСТВО ПРЕКРАСНОГО

Дело было много лет назад на реке Вах. С ханты-проводником мы плыли на хантыйской долбленке-обласе. Он греб веслом с одной стороны, я — с другой. На водораздельном болоте в междуречье Ваха и его притока Кулун-игола надо было пересечь озерцо, сплошь заросшее торфяным мхом — сфагнумом. Чтобы продвигаться по торфяной жиже, приходилось с силой работать веслом, разгребая им густую торфяную массу. В одном месте я чрезмерно приналег на весло и сломал его. Лопасть весла толщиной немногим больше, чем обычная фанера, не выдержала и переломилась. Огорчению проводника не было предела. Мое обещание возместить ему утрату в денежной форме его не утешило: он потерял вещь, на которую затратил много труда и фантазии. Действительно, хантыйское весло — это произведение искусства. Сколько я видел их — каждое достойно занять место в музее народного творчества. Верхняя часть весла, где ствол переходит в плоскую поперечину для упора руки, украшается резными орнаментами, изображениями птиц и животных. И что характерно, не встречал одинаковых весел, каждое чем-то отличалось от других, отражая индивидуальность и художественный вкус автора. Надо заметить, что изготовление и других предметов из дерева, помимо трудолюбия и умения, тоже не обходилось без художественного чувства. Взять облас, выдалбливаемый из осинового ствола. Процесс его изготовления — долгая и трудная работа. Но зато когда готова — залюбуешься. Она изящна, красива, легка. То же и олени нарты. На вид хрупки, но устойчивы и прочны, хотя сделаны без единого гвоздя, только на ременных креплениях.

Чувство прекрасного искони присуще северным народностям. В их нелегкой жизни, в постоянной борьбе за существование без него было бы гораздо труднее. Оно помогает не только жить, но и выжить в нынешних нечеловеческих условиях, когда в массе уничтожают рыбные, охотничьи и оленепастбищные угодья, тотально губят природу варварскими антиэкологическими методами добычи нефти и газа.

Чувство прекрасного у северных людей, по-видимому, исходит из ощущения красоты окружающего мира, своеобразной прелести суровой северной природы. Северный человек не демонстрирует любви к природе, но в душе его она присутствует всегда. Не случайно хантыйские и мансийские селения размещаются в местах, откуда открываются красивые виды. Я впервые обратил на это внимание в верховьях реки Сабуна, когда добирался до одноименного поселка. Селение располагалось на высокой террасе над рекой, откуда можно наслаждаться чудесной панорамой: голубой лентой внизу сверкает река, а за ней исчезающие в дымке бескрайние леса и болота. В красивых местах

на высоком берегу Оби лежат Малый Атлым, Перегребное, Березово, на Северной Сосьве — Сартынья, Сосьва, на Конде — Междуреченск, Урай.

Изделия из дерева — занятие мужчин. А женщины главенствуют в изготовлении и отделке одежды и мягкой утвари. Диву даешься, видя разнообразие узоров, орнаментов, аппликаций, бисерных вышивок. Какая красота! Какое искусство!

Все это — материальная культура, продукт существования в специфических условиях труда и быта сотен и тысяч поколений.

Но есть культура духовная, не менее богатая, чем материальная. Из поколения в поколение передавались легенды, сказания, пляски, обряды. На каждый переломный момент жизни северного человека от рождения до смерти — свой обряд. Праздничные обряды — это целые действия. Так, праздник медведя у манси и ханты — многодневное представление с плясками и пантомимами, изображающими охоту, рыбалку, ловлю оленей, осмеивающими лодырей и лежебок, восхваляющими умелых и удачливых охотников и рыбаков.

Иногда считают, что северный человек суров и неразговорчив, жизнь его трудна — ему не до лирики, песен и музыки. Великое заблуждение! Душа его музыкальна. Песней сопровождается любое занятие, любое действие. В сказаниях манси даже богатыри — музыканты. В одной из эпических поэм герой-богатырь умеет играть на вазе — национальном музыкальном инструменте в форме утки. По музыкальному инструменту он получил имя — Мадур Ваза, богатырь Ваза. Эпические сказания повествуют о доброте, наказании зла, помощи своим людям, другим народам. Мадур Ваза, например, поражает злого бога Мейку, похитившего у манси вечную Красоту — деву Аи-Ючо, освобождает народ от подземного быка Мухора, подрывающего мансийские селения, помогает соседнему ненецкому народу избавиться от рыбы-кита, волновавшей море и не дававшей ненцам рыбачить. Эпические сказания передают дух народа, его отзывчивую и добрую душу. Дух народа не оскудевает и в настоящее время. Он порождает своих писателей и поэтов. Поэт Юван Шесталов воспеваает землю и народ манси. Писатель-ханты Еремей Айпин рисует яркие картины жизни своего народа.

Народности ханты и манси, обладающие специфической материальной и духовной культурой, смогут выжить в это трудное для них время, если сохранят ее. Без своей национальной культуры, выработанной многими поколениями предков, народу не быть. А сохранить ее можно только поддерживая сложившийся образ жизни, традиции, привычные хозяйственные занятия.

Как и у всей страны, на Севере большие надежды возлагаются на экономические реформы. Рыночные отношения раскрепостят экономику северных народностей. Экономическая свобода заниматься теми делами, на которые способны и которые любят северные жители, — это залог сохранения национальной культуры.

Многие, посетившие Приобский Север, удивляются: почему народы, обладающие такой богатой и своеобразной материальной культурой, не изготавливают те искусные и высокохудожественные изделия, которые демонстрируются в единственном числе на выставках и смотрах? Ответ очевиден: да потому, что им не дают такой возможности. Их заставляют заниматься совсем другими, несвойственными им делами, вроде ухода за коровами или неквалифицированной работы на нефтегазопромыслах. Рынок все поставит на свои места. Возникнут художественно-промысловые кооперативы, которые объединят мастеров, возьмут на себя сбыт изделий. И пойдут тогда с Севера искусные сувениры и специфические товары из дерева, меха, кости, сработанные руками умельцев из коренного населения. Их искусство, художественный вкус, чувство прекрасного не должны остаться невостребованными — пусть они воплощаются в красивые и оригинальные изделия.

В СОГЛАСИИ С ЗАКОНАМИ ЗЕМЛИ

Средне-Уральское книжное издательство совместно с Северо-Сибирским региональным издательством «Северный дом» выпустило в свет книгу хантыйских сказок Галины Слинкиной «Как Мышата и Лягушата внучатами стали». Писательница известна в округе и за его пределами как автор книги сказок «Олле и Гусь-богатырь», написанной совместно с покойной ныне сказительницей Таисией Сергеевной Чучелиной, а также как автор многочисленных сказок и стихов для детей, опубликованных в коллективных сборниках, альманахах, журналах и газетах.

Каждый из нас подсознательно «запечатлевает» родную землю, нет ее дорожке и теплей. Все земли разные, и законы земель разные. Мы говорим: «Законы тайги», «Законы гор»... И если человек следует законам той земли, на которой родился и живет, он сохранит и землю, и себя на ней.

На наш взгляд, Галина Слинкина глубоко ощущает эти законы, умеет раскрыть их и донести до читателя. Причем, донести доступным, красивым — не казенным — языком. А это очень не просто.

Писательница — коренная русская женщина, назвавшая свои — авторские — сказки хантыйскими. В этом нам видится отражение определенных жизненных реалий. Ведь это малочисленные народы — сыны и дочери Севера — жили по законам своей земли. Первые русские люди, пришедшие на Север, не вступали в противоречие с местными обычаями, а отчасти перенимали мировоззрение аборигенов, конечно же, преобразуя его на свой лад...

Условия жизни на Севере во все времена не были легкими. Главным условием выживания являлся тяжелый физический труд. Поэтому, наверное, через всю книгу красной нитью проходит идея труда, а лень всегда наказуема. В «Налиме и Карасе» ленивых девушек превращают в рыб, в «Зобе-Погремушке» ленивцев вообще выметают вместе с мусором и сжигают, в «Запрете» оставляют без еды.

В экстремальных условиях Севера необходимо было соблюдение веками отлаженного порядка жизни, традиций — и это подмечено писательницей: «Надо жить, как отец и мать велели».

Народы, ведущие кочевой и полукочевой образ жизни, выработали качество, необходимое для такой жизни — умение обходиться минимумом жизненных благ.

И это подмечено писательницей. Например, кукла-акань, отправляясь в дальнюю дорогу, кладет в кузовочек рукодельную сумочку с нитками и игольницей, котелок и два лоскутка меха — один подстелить, другим укрыться. Этого вполне достаточно, ибо главное богатство закладывается в человека, важно, чтобы руки были умелыми, чтобы голова была сообразительной.

В сказке «Ссора» подмечен еще один важный закон, который, конечно же, был у всех народов: каждый человек должен заниматься своим делом. А дело ему определялось в зависимости от его личных качеств, способностей. Вот почему «сгорает» пучок сена на несвойственной для него работе, а глухариный зоб наказывается за то, что хотел порядок жизни нарушить.

Многие сказки книги относятся к там называемым «шовр моньсят» — заячьим сказкам. В хантыйском народе к этому типу сказок относились небольшие сказочки о повадках и жизни обитателей земли и воды. Они имели множество вариантов, объясняющих ту или иную особенность животного. К таким сказкам относятся «Отчего Карась плоский», «Мышонок и Медведь», «Почему Сова охотится за Мышкой» и другие.

Сегодня в округе происходят сложные миграционные явления. Приезжают люди, рожденные на других землях, а их дети «сотворены» из элементов нашей земли, и для многих она останется единственной. Поэтому книга Галины Слинкиной, на наш взгляд, необходима и своевременна. Она поможет понять и воспринять красоту северной природы, почувствовать изначальные законы ее жизни, благодаря которым она сохранилась до наших дней. И если родители, бабушки и дедушки найдут время прочитать своим детям и внукам сказки Слинкиной, то непременно посеют в их душах зерна добра. И когда вырастет человек, то он увидит вокруг себя «золотистые стволы сосен», «белый-белый ягель». Увидит, что «желтый березовый лист росой, будто прозрачным бисером, украшен».

И если ребенок увидит, услышит, почувствует все это, то уже никогда не растопчет его нога «ягоду-бруснику», не убьет без необходимости его рука снегиря или другую птичку. Для этого и необходима ребенку новая книжка Галины Слинкиной.

**Татьяна Молданова,
Тимофей Молданов.**

АРХИВ АЛЕКСАНДРА ЗАЕВА

Александр Нестерович Заев — ханты-мансийский краевед и собиратель, страстно влюбленный в свой край, в его богатую событиями историю. На протяжении почти трех десятилетий он кропотливо собирает материалы, имеющие отношение к родному округу. Изучив массу местных, центральных газет и журналов, не одну сотню краеведческих и научно-популярных статей, книг и брошюр, собрал богатейший газетно-журнальный архив, привел его в порядок, систематизировал и приступил к не менее трудоемкой работе по созданию своего рода исторических и краеведческих монографий по различным сферам жизнедеятельности округа.

Журналист Николай Нялинский побывал в гостях у Александра Нестеровича.

* * *

— Прежде всего, несколько слов о себе.

— Родился в Селиярово 61 год тому назад. С 1937 года живу в Ханты-Мансийске. По образованию — преподаватель физкультуры, 25 лет педагогического стажа. Около 5 лет занимался журналистикой, объездил весь округ, так что знаю его не понаслышке. Много лет был экскурсоводом на общественных началах — приглашали, когда в город прибывали делегации, серьезно интересовавшиеся историей округа. Последние 11 лет, до выхода на пенсию, был на канцелярской работе в объединении «Хантымансийскнефтегазгеология»...

Мы беседуем с Александром Нестеровичем в одной из комнат, служащей рабочим «кабинетом». На полке над столом, справа от стола — в длину комнаты — стеллажи с переплетенными рукописями, большими бумажными конвертами (их свыше 200), помеченными цифрами и буквами в алфавитном порядке. В каждом конверте — несколько «кассет». Постороннему человеку невозможно сходу разобраться в этом газетно-журнальном хозяйстве, но Александр Нестерович в считанные секунды находит любой нужный ему материал.

— Интерес к краеведению, страсть к собирательству пробудились у вас в период работы в объединении?

— Раньше... В годы занятий журналистикой. Я считаю, журналист — это прежде всего поисковик. Сперва как-то незаметно даже для самого себя стал собирать материалы на спортивную тему — все-таки бывший спортсмен, имел несколько первых спортивных разрядов. Затем вдруг увлекся и топонимикой, и древностью, и экономикой... Дальше — больше. Мое увлечение заметили и одобрили известные в то время журналисты Галина Деркач и Михаил Загайнов. Слова одобрения и поддержки прозвучали из уст и покойных ныне доктора исторических наук Киселева Леонида Екимовича, сургутского краеведа и журналиста Ездакова Николая Ивановича. Советовался с ними, работал в их домашних архивах. Признателен этим людям за науку — ведь начинал-то я не имея элементарных представлений об архивном деле.

— Приходилось ли работать в госархивах?

— Нет. Туда не всех допускали. Нужно было предъявить какое-то разрешение, а я никого не представлял, точнее, представлял только себя самого. Сбирал по крохам. Старался ничего не пропустить из опубликованного Плесовских Владимиром Ивановичем, Лоскутовым Аркадием Николаевичем, Прибыльским Юрием Пантелеймоновичем... Сегодня уважительно отношусь к исследованиям местных журналистов Валентины Патрановой, Альбины Глухих, ко всему, что делает тюменский краевед и очеркист Анатолий Омельчук...

Александр Нестерович показывает мне завершенные или почти завершенные работы. «Хронология округа» (свыше 5000 дат и сообщений), «История села Селиярово», «Очерк топонимики Югры» («Введение к изучению происхождений и значений географических названий Среднего и Нижнего Приобья»), «Очерк развития лыжного спорта в округе в период 30—60-х годов», включающий разделы по географии

лыжных переходов и пробегов, сведения о лыжных гонках на призы «Большой тюменской нефти», информацию об известных в округе и стране спортсменах. На очереди — работы по экономике, лесному хозяйству, культуре округа...

Допускаю, что некоторым специалистам работы Александра Нестеровича могут показаться недостаточно информативно исчерпывающими, в чем-то, может быть, спорными — ведь писались-то они на основе самых разных публикаций по «горячим следам», не лишенным, вероятно, журналистского «брака». Бесспорно главное — при внимательном прочтении специалистами-рецензентами, консультантами, при определенной редакторской доработке текстов работы А. Н. Заева могут сослужить читателю добрую службу. Разве не полезно было бы, скажем, воспитаннику детской спортивной школы ознакомиться с брошюрой по истории развития в округе избранного им вида спорта! И уж наверняка пойдет на пользу ученику общеобразовательной школы пособие по топонимике Югры. Уверен, сегодня половина опрошенных учеников в наших школах не сможет объяснить происхождение и значение таких привычных, казалось бы, слов, как Югра, Обь, Иртыш... Да что объяснить, если даже среди ученых нет единого мнения! Назвать хотя бы одну какую-то версию!

Хочется верить, что работники управления народного образования окружной администрации, педагоги, воспитатели, а также спортсмены и спортивные работники заинтересуются хотя бы вышеупомянутыми работами краеведа, поспособствуют в их издании, а отпечатать эти небольшие рукописи можно и в окружной типографии — такие возможности есть.

— К лету будущего года, а точнее, к открытию очередного Международного фольклорного фестиваля в Ханты-Мансийске мечтаю подготовить своеобразную энциклопедию округа — «Югра — мое Отечество», — делится своими задумками Александр Нестерович. — Материала достаточно. Но одному, боюсь, не справиться. Раньше хоть сыновья помогали, а теперь разъехались, живу один... К тому же, все стало очень дорого. Даже перепечатка этой тысячестраничной рукописи, а в энциклопедии по замыслу будет не меньше — влетит в копейку...

— Александр Нестерович, с кем из местных краеведов, собирателей поддерживаете отношения! Помогаете ли друг другу! Делитесь ли своими планами, находками или каждый сам по себе!

— К сожалению, почти не общаемся. Хотя, конечно, мне хочется знать, чем занимаются сегодня, к примеру, журналисты и краеведы Сенгепов Алексей Михайлович, Патрикеев Новомир Борисович. Хорошо бы провести семинар краеведов, посмотреть архивы друг друга, поучиться... Боюсь, что многие архивы пропадут бесследно, если уже не пропали. Вот где архив Показаньева Флегонта Яковлевича, Нартымова Сергея Николаевича, написавшего историю Октябрьского — бывшего Кондинского — района! Где архив Лазарева Григория Дмитриевича — литератора, журналиста, ученого! Иванова Александра Алексеевича, Лоскутова Аркадия Николаевича! Богатейшие архивы! Сохранятся ли они! Не уверен. Да и мне пора уже подумать, куда пристроить свой.

— Продолжаете ли собирать новые материалы!

— Конечно, это уже вошло в привычку. Собираю потихоньку материалы к «Словарю сибирских слов» или — лучше сказать — к «Словарю обских говоров». Задумал новую тему — о связях округа с дальним зарубежьем, о началах предпринимательства, которое корнями уходит в далекое прошлое — вспомните проекты Носилова. Правда, в связи с удорожанием газет и журналов возникают новые трудности. Не каждую книгу, нужную тебе, купишь...

— Александр Нестерович, у вас никогда не возникала мысль о бесполезности своего занятия! Ощущение напрасно потерянного времени! Вот тема «О социалистическом соревновании в округе». Кому она сейчас интересна! Заинтересует ли кого-нибудь в будущем! Как думаете!

— Времена меняются, лидеры приходят и уходят, политики «перестраиваются», но история не переписывается. Что было, то было. Хотим мы того или нет. Я — фиксатор, а не комментатор событий. И уверен, что даже такая тема, как «Социалистическое соревнование в округе» будущих исследователей обязательно заинтересует, если они действительно захотят узнать, как все было на самом деле.

И закончить беседу хотелось бы словами Александра Нестеровича из его «Писем к сыну»: «В чем твой талант, сын! Мне кажется, что в большей мере ты сможешь проявить себя в деле, связанном с железом: вспомни, скольким моторам из «чермета» ты дал жизнь. Найти свое место в жизни — это тоже своего рода талант».

Я согласен с Александром Нестеровичем.

ЧИТАТЕЛИ ОБ «ЮГРЕ»

Совсем недавно, казалось бы, начато наше издание, но вот уже перед вами двенадцатый по счету номер, в ноябре журнал отметит свой первый день рождения.

Сейчас уже можно сказать, что у «Югры» появился свой читатель. Мы видим его индивидуальные черты при встречах в редакции и во время командировок, в телефонных разговорах и в почте. Круг наших добрых знакомых все расширяется, они высказывают свои суждения, советы, на чем-то настаивают, приглашают к сотрудничеству.

Журнал, вышедший в свет, живет своей самостоятельной жизнью, и мы не можем знать, где произойдет его встреча с читателем. Не объясняет нам этого и гражданин Германии Венцеслаус Майер, но просьба послать ему все номера журнала определенно говорит об интересе. А вот предприниматель из Ноябрьска С. С. Лего, обратившийся с этой же просьбой, увидел впервые «Югру» у случайной попутчицы в поезде Новороссийск — Астрахань. Полистал, почитал и захотел стать постоянным его получателем, о чем и написал в редакцию. Свой интерес он мотивирует так: «Я двадцать седьмой год в этих краях: Стрежевой, Сургут, Ноябрьск, — потому для меня в журнале очень много интересного, особенно по истории края».

Постоянный наш автор Е. А. Кузакова из подмосковного города Калининграда сообщает, что по получении авторского экземпляра разнесла названия некоторых статей в свою библиографию. «Югра» теперь стала для нее одним из основных источников информации о Севере. Совет исторического общества г. Нижневартовска также считает, что журнал представляет широкий интерес, в особенности для краеведов, учителей. С ним солидарны научные сотрудники Мегионского этнографического музея.

Заслуженный деятель искусств Армении художник В. Т. Айвазян благодарит за публикацию статьи О. Васильевой «Кто спасет наши души!» в № 2 за 1991 год, имеющей отношение к нему и его творчеству, и далее пишет: «Внимательно ознакомился с содержанием номера. Я понимаю все сложности и трудности на вашем пути. Журнал оставляет прекрасное впечатление своим содержанием и большим диапазоном материала. Литература и искусство, публицистика, эстетика, наука — все хорошо сгармонизировано. Единственное небольшое пожелание — более тщательная техническая редакция в смысле экономии журнального пространства».

Надеемся, небезынской для многих будет и публикуемая ниже статья тобольского писателя Юрия Надточия «Порадуемся и позавидуем». И все же должны сказать, что мы работаем для округа и прежде всего в нем ищем своего читателя. И сейчас, когда подписка на местные периодические издания все еще продолжается, надеемся на то, что ряды наших подписчиков пополнятся, и цена экземпляра — 10 руб., т. е. 60 р. за полгода — не покажется слишком обременительной. Нам, во всяком случае, каждый экземпляр обходится более чем вдвое дороже. Пусть не смущает уважаемого подписчика и отсутствие индекса. Согласно договоренности с окружным производственным объединением связи прием подписки должен вестись на всей территории округа.

Редакция.

ПОРАДУЕМСЯ И ПОЗАВИДУЕМ

Ю. Надточий, писатель.

Как известно, возникновение сибирской печати совершилось в Тобольске в 1789 году. Тогда в городе стал издаваться журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

До 1918 года в городе издавался «Ежегодник Тобольского музея», затем, очень недолго, краеведческий журнал «Наш край», и на этом издательская жизнь нашего города закончилась.

В 60-х годах нынешнего столетия, плохо ли, хорошо, а в Тюмени при книжном издательстве выходил журнал «Сибирские зори», но с открытием нефти почему-то закрылись и журнал, и само издательство.

Итак, во весь период тюменского нефтяного бума, сопровождавшего «открытие века», не было в бывшей Тобольской губернии, ставшей Тюменской областью — «основной энергетической базой страны», ни своего журнала, ни своего издательства. Что, несомненно, характеризовало истинное отношение к культурным местным нуждам наших залетных областных лидеров да регулярно наезжавших деятелей из «центра».

И теперь хочется с радостью сообщить жителям города: что-то сдвинулось и в жизни, как говорят, самой богатой в стране области. Пусть не в Тюмени, не в Тобольске — в Ханты-Мансийске, но стал выходить журнал. На общем фоне экономического, даже не застоя — развала, агрессивной бездуховности, событие это отрадное и обнадеживающее.

Журнал «Югра», взявший себе имя древней зауральской страны «Югории». Направление: историко-культурное...

Тираж журнала пока еще очень скромно, расходуется он в основном по Ханты-Мансийскому округу, потому и до Тобольска дошел почти через год после начала своего издания. Познакомиться с ним можно в библиотеке Тобольского музея-заповедника, но уже есть договоренность, что в перспективе (близкой) тоболяки его смогут купить при посещении музея.

Интересен он в первую очередь тем, кто интересуется историей и культурой нашего края. Журнал ломает потребительский, колонизаторский стереотип все еще процветающий в стране «Тюмени» уничтожительной «временщины». Не обошедшей, кстати, и Тобольск.

По сравнению с московскими «толстыми» журналами, он невелик, как невелики по объему изделия тобольского косторезного промысла, истинную ценность которых мы только начинаем понимать.

Также невелики произведения хантыйского, мансийского искусства, собранные в Тобольском музее. Но они говорят о тысячелетней местной культуре, той истории, что началась отнюдь не с открытия нефти и газа. Как, собственно говоря, невелик и тобольский кремль, предположим, по сравнению с тобольским же нефтехим-комбинатом, да значение их разное.

Но почему все-таки мы должны радоваться, что где-то в Ханты-Мансийске стал выходить журнал! Ответ, видимо, заключается в том, что десятилетиями так называемый «центр» выкачивал из провинции не только нефть или газ, но и, из-за невозможности реализации, наиболее сильные умы, таланты. Забирая не одно сырье, но и интеллектуальный потенциал.

Происходило материальное и духовное оскудение всей российской земли. Что скрывать, не только из амбиций, но и к своей культуре побежали от «центра» почувствовавшие его «слабину» и воспрянувшие национальные окраины. Только нам-то бежать некуда, второй России нет. И возрождение Родины, действительное, начнется не с «центральных» площадей, а все-таки с провинции. Которая и является собственно Россией.

Сгруппировавшиеся вокруг журнала «Югра» хантымансийские писатели, историки, краеведы имеют свой печатный орган, выход к читателю. Свое лучшее они отдают землякам, родному краю. У них появилась уверенность получить признание не в Тюмени, не в Екатеринбурге, Москве или где-нибудь в ближнем или дальнем зарубежье, но на своей земле.

Они наращивают культурный слой, который копится медленно, зато уничтожить его можно быстро. И еще известно, что там, где нет накопленного культурного слоя, ни деревья не растут, ни пшеница не родит, ни люди не уживаются.

Так что будем не только радоваться за жителей Ханты-Мансийска, но и завидовать им. Кстати, до недавнего времени в Сибири, в Новосибирске, выходил только один ежемесячный журнал «Сибирские огни». И это подтверждало высокий статус Новосибирска. Теперь можно говорить о повышении культурного статуса Ханты-Мансийска. Тамошняя администрация знала и знает, что она делает, учреждая и поддерживая журнал.

Так же, как некогда господа тобольские губернаторы понимали, зачем в историческом Тобольске нужен, предположим, тот же «Ежегодник Тобольского музея».

[«Тобольская правда», 5 августа 1992 г.]

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ «ЮГРА»!

СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на газету
 Югра журнал
(индекс издания)

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 1993 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

п в	место	на	<u>газету</u>			<small>(индекс издания)</small>
			<u>журнал</u>			
			Югра			
<small>(наименование издания)</small>						

Стоимость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	— руб.	_____ коп.	

на 1993 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

При заполнении абонемента и доставочной карточки не забудьте:

а) отметить номера месяцев, в которые Вы хотели бы получить журнал (значком «х» в пустой клетке под соответствующим месяцем).

б) указать стоимость подписки (на 6 месяцев — 40 рублей, на 3 месяца — 30 рублей, на месяц — 10 рублей).

Подписка принимается только на полугодие.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

УЧЕНИКАМ ОБ УЧИТЕЛЯХ

Прошедшим летом в Тобольске впервые издан путеводитель по музею народного образования Тюменской области при Тобольском педагогическом институте имени Д. И. Менделеева. Этим изданием отмечено пятилетие учреждения, организованного с учебными, методическими и научными целями. И не случайно оно появилось здесь, ведь именно Тобольск был центром огромной губернии и в нем работали крупные деятели просвещения Западной Сибири и зарождались многие важные начинания. В этом старом институтском здании по улице Розы Люксембург, когда-то принадлежавшем гимназии, витает дух ее выпускника, великого гражданина России Менделеева, и сама история распорядилась так, что в нем же, под высокими сводами бывшей здесь когда-то церкви, разместился теперь музей, экспонаты которого рассказывают о просветительской деятельности П. А. Словцова и И. Д. Якушкина, П. П. Ершова и М. С. Знаменского.

За пять лет музей под руководством педагога-ветерана Галины Трофимовны Бонифатьевой собрал в своем фонде обширный материал, характеризующий как первоначальные, так и последующие шаги просвещения в Тобольской губернии, а затем и в Тюменской области, типы учебных заведений в различные периоды истории (училища, курсы по ликвидации безграмотности, национальные школы; в музейном зале даже воссозданы интерьеры одного из классов церковно-приходской школы, кабинета физики гимназии с сохранившимися с прошлого века и кропотливо собранными приборами, книгами и мебелью и советской школы ликвидации безграмотности).

Особенно широко представлена деятельность педагогических коллективов и отдельных наиболее выдающихся учителей; эта часть экспозиции создает впечатляющую картину благородного труда передачи знаний от поколения к поколению, которая, уверен, эмоционально действует на студентов-педагогов, равно как и на других посетителей. Принцип преемственности, несомненно, один из руководящих для музея, не случайно эпиграфом к путеводителю взяты слова Д. И. Менделеева: «Вся гордость учителя в учениках, в росте посеянных им семян». Надо заметить, что под пристальным вниманием сотрудников музея тема национальной школы, ими собран значительный материал о создателях первых алфавитов, букварей и других учебников на хантыйском, мансийском и ненецком языках, первых учителях и их достойных последователях.

Создание музея такого рода немыслимо без участия десятков кровно заинтересованных добровольных помощников. И действительно, кроме его директора и институтских преподавателей Н. А. Новгородовой, Ю. П. Прибыльского, Н. М. Головневой, к собиранию коллекций причастны многие учителя области, выпускники школ и других учебных заведений, передавшие безвозмездно ценные материалы. Накопленные фонды уже не помещаются в экспозиционном зале; чтобы они не оставались втуне, периодически устраиваются временные тематические выставки. Всего их за недолгий прожитый отрезок музейной жизни было 25. Как в экспозиционном зале, так и в библиотеке, есть редкие, дарственные экземпляры. Например, правнучка декабриста И. Д. Якушкина профессор Московского университета Н. И. Якушкина прислала книгу «Верные сыны Отечества». В музее есть стенд «Наши связи», само название которого говорит об открытости, а содержание как бы приглашает посетителя к сотрудничеству.

На рубеже шестого года жизни музей Г. Т. Бонифатьевой получил новый статус: в связи с тем, что усиливается его исследовательская функция, он отныне называется «музей-лаборатория народного образования Тюменской области».

В. Константинов

ПО СТРАНИЦАМ «НАРЪЯНА ВЫНДЕР»

ЗВУЧИТ РОДНАЯ РЕЧЬ

Ненецкий язык все чаще звучит на уроках, которые начали приживаться в школах детей тундровых селений. Как лучше организовать обучение родному языку? Как привить детям любовь к языку предков? На эти и другие вопросы преподаватели ненецкого языка школ округа надеются получить ответы и рекомендации на курсах в Институте усовершенствования учителей, куда их впервые пригласили в этом году. Курсы организованы лабораторией ненецкого языка, культуры и истории края. Ожидается приезд на занятия и представителей дошкольных детских учреждений, где, по мнению преподавателей, должны закладываться основы изучения родного языка.

КАК НАЧАЛАСЬ ХАРУТА

В нынешнем году исполняется 100 лет поселку Харута.

Ижемский крестьянин Федор Анисифорович Канев, прослужив двадцать лет в царской армии и пять лет проработав рабочим на сестрорецком оружейном заводе, вернулся в родное село Ижма. После многолетнего отсутствия на родине Федор Канев не мог найти ни своего пая пахотной земли, ни сенокосного участка. Два года мыкался с семьей среди родных в Ижме и, не найдя справедливости у властей в получении своего пая земли, решил навсегда покинуть родное село. Заняв деньги у первого ижемского купца Зинича, купил палубную лодку. На эту лодку погрузил весь свой скарб, семью и двинулся в далекий край. Конечный пункт путешествия был ему известен. Еще в молодости, до царской службы, ему пришлось кочевать в этих местах с оленстадом своего дяди целых три года.

Путешествие семьи Канева от Ижмы до Харуты длилось четыре недели. Поселились с семьей в лесной избушке, которая топилась «по-черному»...

Семья Федора Анисифоровича Канева и проложила тропы вокруг постоянного поселения человека на реке Адзьве. Память потомков о своих предках укрепляет душу живущих.

ИЗДАНО В НАРЪЯН-МАРЕ

Перед молодым писателем весьма остро стоит проблема издания своей книги. Областные и центральные издательства ныне решают свои сугубо экономические проблемы. Не хватает бумаги, увеличиваются расходы на полиграфическое исполнение изданий.

Начинающим писателям округа в издании первых книг помогает Нарьян-марская типография управления по печати и массовой информации Архангельской областной администрации. И в этом отношении нарьян-марским полиграфистам можно сказать большое спасибо. Три книги «Дорога в завтра», «Розовые штрихи» и «Один не ходи» на свои средства издал Сергей Шанин. Открыли счет своим изданиям поэт Андрей Чуклин, старейший житель села Коткина Иван Иванович Коткин, выпускник Литературного института им. Горького Сергей Сизов...

Конечно, можно многое сказать и о художественных достоинствах, и промахах первых книг, но каждый автор, издавший свою книгу, испытал большой творческий подъем: ведь его произведения так или иначе попали в руки тех, для кого они написаны.

ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

М. ГАВРИЛОВ,
старший научный сотрудник
заповедника «Малая Сосьва».

«...зимой 1926/27 г нашел между Уральским хребтом и рекой Обью целых тридцать шесть речек, населенных бобрами... В 1928 году эта цифра возросла еще на 9... Сообщить подробности мог только сам Васильев — мой Кожаный Чулок, герой моей будущей книжки».

(В. Бианки. «Васька-Ойка-Суд-Кожаный Чулок»).

В истории заповедного дела много известных имен. В их ряду имя Василия Владимировича Васильева. Сосьвинские и кондинские ханты и манси дали ему почетное прозвище «Васька-главный судья». Он явился к ним представителем новой жизни, помог бороться с несправедливостями, делил с ними горе и радости, пищу и кров, выдержал все испытания нелегкой лесной жизни. Ему они поведали то, что долго скрывали от других. На территории современного заповедника «Малая Сосьва», созданного уже в наше время там, где был Кондо-Сосьвинский (1929—1951 г.г.), сохранилось немало приметных мест, хранящих память об основателе и первом директоре, — Васькина гора, Васькин пережат, кордон Васильевский. Почему «Васька»? С окончанием на «ка» издревле и по сей день местные жители называют своих уважаемых людей.

Со свершениями и проблемами современного заповедника можно познакомиться в его музее, где опять-таки в центре внимания рукописные и печатные работы В. В. Васильева и его коллег — В. В. Раевского, В. Н. Скалона, К. В. Гарновского, Е. В. Дорогостайской, З. И. Георгиевской. Да что и говорить, состав сотрудников был очень дееспособным. Впоследствии В. В. Васильев пытается сам целиком переключиться на научную работу.

Биография Василия Владимировича нигде подробно не описана, но то, что мы о нем знаем, включая устные повествования, говорит о личности большой и целеустремленной. Родился В. В. Васильев 6 июля 1889 г. в городе Казани в семье адвоката (присяжного поверенного). На воспитании сказались, очевидно, и природа могучей русской реки, и тот особый настрой, навеянный дедом Васильевым Василием Павловичем, прошедшим через многие испытания, от много раз битого школяра уездного училища до известного академика-китаевода, собравшего и подготовившего свои основные труды в Пекинской духовной миссии... Послужной список будущего натуралиста-самоучки под стать стремительным переменам того времени: студент Комиссаровского технического училища, десятник на строительстве, машинист на электростанции, техник путей сообщения, председатель армейского исполнительного комитета, управляющий всеми складами Совета народного хозяйства. Затем согласно его ходатайству работать по специальности с июня по октябрь 1921 г. В. В. Васильев уже в Ямальской полярной экспедиции в качестве комиссара и прораба. При возвращении экспедиции из Обской губы он остается в Тобольске в качестве ее уполномоченного.

С 1922 по 1926 г., работая наблюдателем метеорологической станции

на реке Демьянка, В. В. Васильев начал изучать пушные промыслы и биологию пушных зверей. По 1929 г. он — охотовед Тобольского окружного земельного управления. Случайно ли такое перевоплощение! Очевидно, нет. Романтика познания неизведанных земель да еще солидный жизненный опыт — ему уже за тридцать, квалификация землемера, строителя дорог, самообразование, опыт работы с людьми, суровая таежная школа, познание трудностей промысла демьянских хантов, понимание и уважение нужд этого лесного народа. Вадим Васильевич — сын Васильева — вспоминает, что у отца была небольшая, но для того времени хорошая библиотека биологической литературы.

Вот мы и подошли к самому важному этапу жизненного пути нашего Кожаного Чулка — экспедициям на таинственный Кондо-Сосьвинский водораздел. Там издавна существовали запретные для всякой охоты святые места — «Ем-Тахе». Попасты туда можно было либо с Урала конным обозом по долгой Никито-Ивдельской дороге, либо с Оби и Иртыша — более двух сотен километров «на гребях» и «волоком» против течения по Малой Сосьве и Конде.

В сентябре 1926 года Васильев отправился в таинственный таежный край в одиночку, так как с проводником из-за совершенного им неблагоприятного поступка пришлось расстаться. Условия путешествия были очень тяжелыми. «Я вынужден был ходить за 100—120 верст и жить по неделям один, таская запас продовольствия котомками на себе, и ночевать во всякую погоду под открытым небом, что особенно сказывалось с наступлением морозов. На вершине реки Конда пришлось голодать. При поездке на реку Тапсуй поморозил пальцы ног...» — писал он в своем отчете. Эта «Отчетная докладная записка в Тобольскую окружную плановую комиссию по обследованию водоразделов рек Конды, Большой и Малой Сосьв, произведенному в 1926—1928 году» — передо мной. Тридцать пожелтевших листов машинописного текста с карандашными пометками автора. Первая экономико-географическая характеристика края. Здесь — сведения о лесных массивах и болотах, составе и численности пушного зверя, картина неблагоприятного экономического положения местного населения с указанием путей его улучшения, предложение организации заповедника. И еще, самое важное, объяснение — почему именно ему было позволено углубиться в древние «Ем-Тахе». Васильев устроил объединенное собрание местных охотников и от имени Советской власти сдал им в аренду все промысловые угодья без права пользования на этих угодьях посторонним лицам. Чрезвычайно ответственный шаг в духе нового времени, разрешавший основные проблемы, связанные с браконьерством соседей — тапсуйских манси, выходцев из Коми и русских промышленников. Ему первому доверили бобровые поселения на глухих таежных речках, рассказывали поверья. Доверие завоевано уважением к древним традициям векового уклада! После этого состоялась еще одна экспедиция в верховья реки Конды.

В 1929 г. Василий Владимирович возвращается и создает первоначальную базу заповедника в пос. Шухтунгорт, в 60 км севернее заповедника. Активным помощником была его жена Мария Александровна. На работу, в качестве егерей зачислили Езиных — Николая из юрт Емункуртских, Ивана и Александра из Ханлазинских. К общему делу привлечены Маремьянин Михаил из Хангокуртских, Марцинов Сидор из Нагакуртских юрт и другие.

Кондо-Сосьвинский заповедник стал одним из первых научных и культурных центров на Севере.

Проведенная заповедником работа показана в одной из газет того времени: «...обследовано до 13 тысяч квадратных километров лесных угодий... выпущено 49 ондатр для расселения, через два года их насчитывается уже до 400 особей. Прорублены новые конные дороги... Расчищено оленьих дорог 435 км. Выставлено межевых знаков — 146. Промерено дорог и промысловых тесов — 2138 км. Выстроено 30 жилых и 26 служебных

помещений, 23 опорных и промысловых избышки... Функционируют две начальные школы с интернатами... Проведены опыты посева полевых злаков и посадки ягодных кустарников, сооружены опытные парники. Составлена географическая карта... Приступили к организации четырех промыслово-охотничьих союзов по периферии с заповедником». («Советский Север», № 145 от 26 августа 1934 г.). Из этой же статьи узнаем, что с 1931 по 1933 год только в окрестностях заповедника соболя заготовлено последовательно по годам: около 700, 1100 и 1223 зверька. Последняя цифра соответствует достижениям Урала в сезон 1926/27 года! Сможем ли мы теперь в краю трубопроводов и нефтяных вышек выйти на нормальные рубежи того режима, который был задан Кондо-Сосьвинским заповедником!

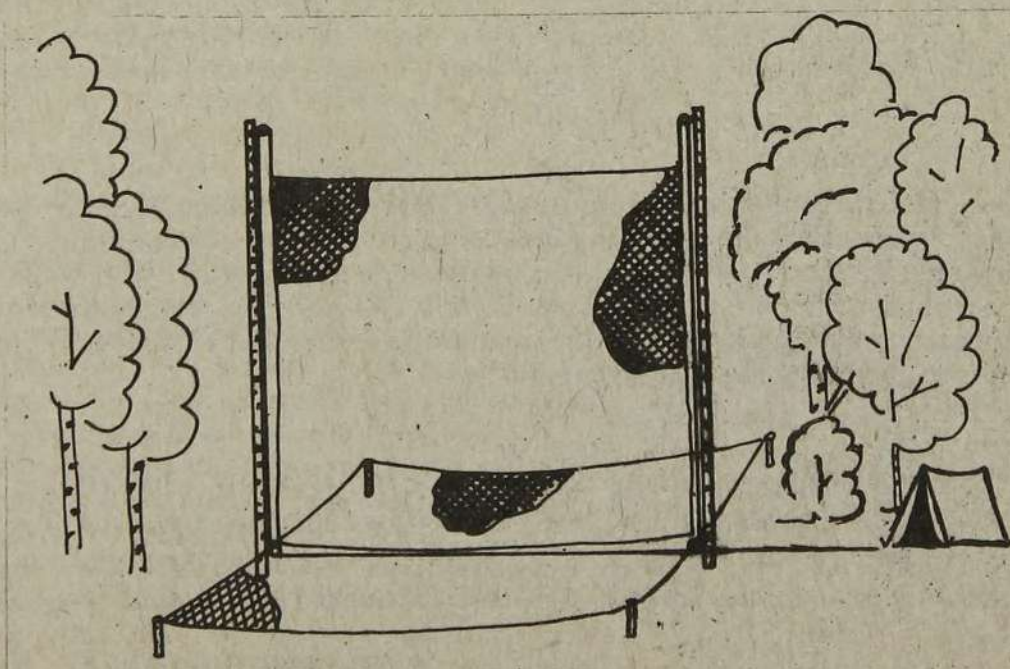
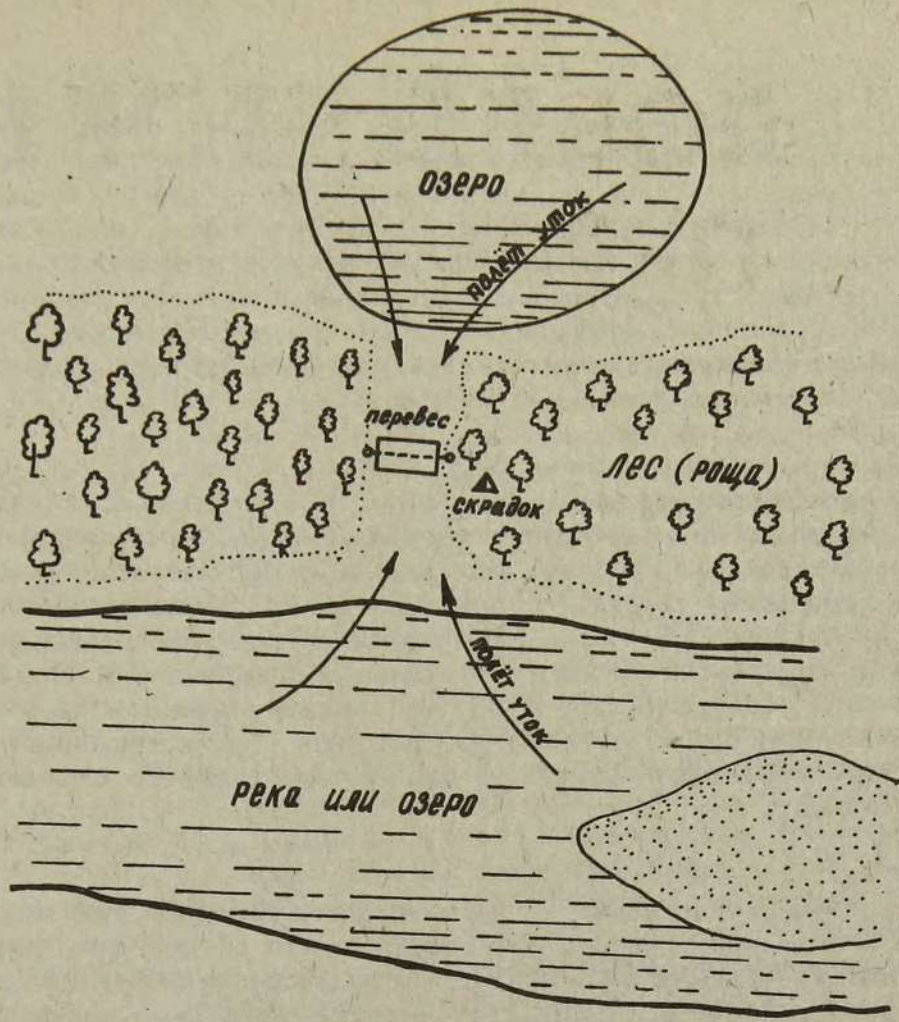
Особые надежды В. В. Васильев питал в отношении результатов акклиматизации ондатры, добыча которой значительно улучшила бы экономическое положение местных жителей. Изучению этого переселенца и были посвящены его последние годы работы в заповеднике. Монография «Ондатра» была опубликована только в 1947 г. Весной 1940 г. достроена новая центральная усадьба заповедника, расположенная на его северной границе.

В начале 1941 г. В. В. Васильев принимает предложение перейти на работу в качестве заместителя директора Печоро-Илычского заповедника. Основная причина этого — забота об образовании детей, а их у Васильевых было четверо. Первым заданием в новой должности было обследование восточной части территории Печоро-Илычского заповедника, граница которого постоянно нарушалась при пастьбе оленей большесосьвинскими манси в летнее время. Задача Василия Владимировича заключалась в том, чтобы на месте безболезненно отрегулировать этот вопрос с манси. Проще и легче было добраться до центральной усадьбы заповедника Якши окружным путем, а там вместе с его работниками до стоянок оленеводов. Васильев принял более сложный и опасный вариант — совершить поход с большесосьвинскими манси к месту их пребывания на Урале через Няксимволь.

21 июня во время доклада на заседании райсовета в Троицко-Печорске и случился тот сердечный приступ, от которого 28 июля В. В. Васильев скончался, не дожив восьми дней до пятидесяти двух лет. Всю душу, всю теплоту своего сердца он отдавал заповедному делу, шестнадцать лет работы посвящено Кондо-Сосьвинскому заповеднику — его детищу.

С тех пор много событий свершилось в стране. Вместе с многими другими заповедниками волевым решением сверху прекратил существование Кондо-Сосьвинский заповедник. И только много позже, в 1976 г., на территории, частично совпадающей, но почти в девять раз меньшей, воссоздан заповедник «Малая Сосьва». Расширение его площади — региональная «проблема номер один», а на повестку дня все острее встают и другие природоохранные проблемы, в том числе более общие, такие, как приведение объема лесозаготовок в соответствие с подорванной лесосырьевой базой. Ребром стоит вопрос о судьбе некоторых поселков Советского района. Они возникли всего лишь 20 лет тому назад по железной дороге Ивдель—Обь, пересекающей бывший заповедник почти посередине. Далекое не лучшим образом в последние годы решались проблемы народов ханты и манси. Вот почему дело, начало которому положил В. В. Васильев, и по сей день очень актуально.

В. В. Бианки, заканчивая свое повествование о Василии Владимировиче, писал: «Не знаю, существовал ли куперовский Кожаный Чулок, но настоящих Кожаных Чулков я видел своими глазами. Они не похожи на куперовского: тот смотрит назад и славит прошлое, а наши смотрят вперед, все вперед, в будущее — и крепко верят в него». Как остро нужны нам сейчас Кожаные Чулки, сочетающие в себе народную мудрость, современные знания и патриотизм не ради красного словца. Таким и был Василий Владимирович Васильев — знаток природы, духовный подвижник и глубоко нравственный человек.

ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ, 1892.

Х Х Х

Тобольск. Во 2 число февраля, в помещении Тобольского губернского музея, состоящего под Августейшим покровительством Государя Наследника Цесаревича, назначено общее годовое собрание членов Комитета Музея для выслушания отчета за истекший год, утверждения новой сметы и решения других вопросов по задачам музея. При той важной перемене, какая последовала в отчетном году в положении музея, или — точнее — по тому освежению, какое придало деятельности этого недавнего нашего учреждения милостивое принятие его Наследником Цесаревичем под Свое высокое покровительство, можно думать, что ожидаемое собрание членов Комитета музея будет и многолюдно, и оживленно.

Х Х Х

17 января вышел первый выпуск (№№1 и 2) «Тобольских епархиальных Ведомостей». В этом выпуске с особенным интересом читается «Описание проезда Его Императорского Высочества Государя Наследника и Великого Князя Николая Александровича по Тобольской епархии в июле 1891 года... В том же выпуске помещено начало статьи протоиерея П. Головина «Кондинский Троицкий монастырь». Главным материалом этого труда указывается «Летопись Кондинского монастыря» священника И. Кузнецова, составленная в 1888 г. и предназначенная ко пожертвованию Тобольской семинарии. По объяснению автора, это — сборник копий с подлинных актов Кондинского монастыря и других отрывочных сведений, относящихся до Березовского края вообще...»

Х Х Х

Тобольск. В 19 число февраля — знаменательный день освобождения русского народа от крепостной зависимости — в кафедральном соборе, преосвященным Иустинном, епископом Тобольским и Сибирским была совершена панихида по в Бозе Почивающем Царе-Освободителе, Императоре Александре Николаевиче.

Х Х Х

16 числа февраля прибыл назначенный Управлением по заведыванию общественными работами в местностях, пострадавших от неурожая, для проведения колесной дороги от г. Тобольска до с. Самаровского поручик лейб-гвардии саперного батальона Д. П. Колосовский. На устройство этой дороги ассигновано 183000 руб.

Х Х Х

Сибирские газеты сообщают, что 9 мая текущего года город Березов будет праздновать трехсотлетие своего существования. Хотя со времени основания города 300 лет истекает только в будущем 1893 году, но приурочивая к настоящему событию 100-летие основания Березовского Воскресенского собора и 180-летие учреждения Березовской и Обдорской православных миссий, юбилейное празднество с разрешения тобольского преосвященного перенесено на настоящий год.

От редакции:

Мы не комментируем представленную на наших страницах местную хронику столетней давности. Она — как старые фотографии из бабушкиных альбомов, открывает ушедшую жизнь. Мы ощущаем ее движение и развитие. Ставшее нашей историей. Хроника — это и есть история. Или — часть истории.

Публикация Ю. С. Надточия

ТРИ ЦЕНТРА

Широка и привольна Ханты-Мансийская земля — на 523 тысячах квадратных километрах разметнулась она между тремя величайшими реками мира: Иртышом, Обью и Енисеем.

Из автономии России она по территории уступает лишь Якутии, Таймыру, Эвенкии, Чукотке да Ямалу. Что же касается остальных автономных образований, то почти все они — Башкирия, Татария, Калмыкия, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Удмуртия, Чувашия, Мордовия и Марийская республика — не только могли бы свободно разместиться в границах земли Ханты-Мансийской, но даже еще бы осталось много свободного места. На ее территории могли бы уместиться такие далеко не самые малые страны Европы, как Польша, Чехословакия и Австрия, вместе взятые.

Но не только обширностью обращает на себя внимание Ханты-Мансийская земля. Именно здесь находится географический центр бывшего СССР. Это установлено несколько лет тому назад с помощью ЭВМ. Географический центр находится в междуречье Оби и Енисея, у истоков реки Таз. Его координаты: 82 градуса 30 минут восточной долготы и 62 градуса 30 минут северной широты. На том месте установлен титановый обелиск с надписью — ЦЕНТР ТЕРРИТОРИИ СССР.

Интересное высказывание одного местного жителя приводила по этому поводу газета «Известия». «Некоторые, однако, думают, — сказал корреспонденту старый селькуп Петр Семенович Кыткин, — будто мы живем на окраине. Ничего себе окраина! Центр у нас здесь!»

Все ли читатели знают, что Сибирь и Дальний Восток составляют большую часть территории России? Вся площадь Российской Федерации — 17075,4 тысячи квадратных километров, из них 12765,9 приходится на Сибирь и Дальний Восток.

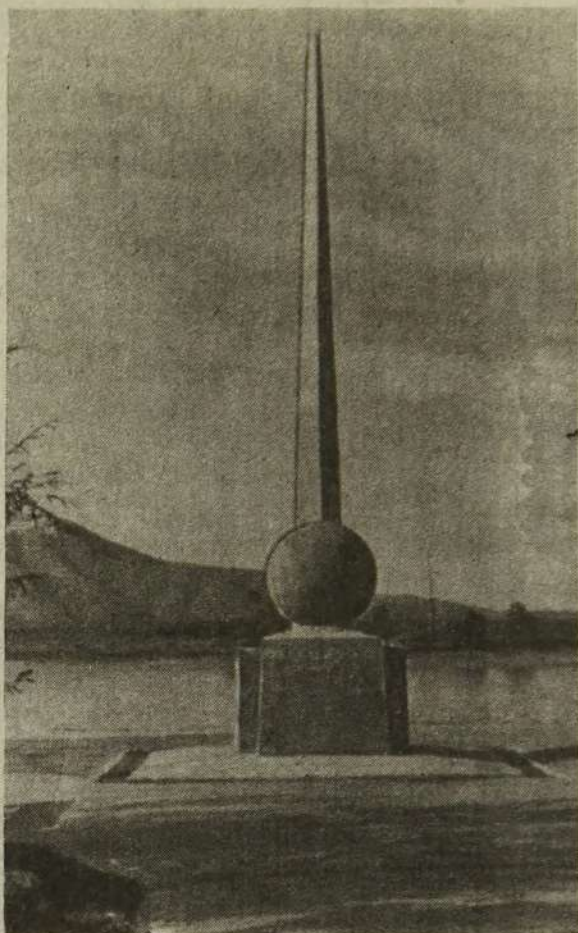
Здесь находится самый длинный в мире железнодорожный путь и самое глубокое озеро на Земле, самый большой лесной массив планеты и самые богатые в стране нефтяные и газовые кладовые, крупнейшие запасы торфа, богатые золотые россыпи и самые мощные в стране гидроэлектростанции. Как видим, почти все из самого-самого находится здесь.

И потому, наверное, было бы удивительно, если бы центр территории Российской Федерации находился где-то в другом месте. Да, он находится в Сибири. Его вычислили совсем недавно. Сообщение об этом появилось в конце августа сего года. А пришелся он на точку в координатах 94 градуса 15 минут восточной долготы и 66 градусов с минутами северной широты. Там, в горах Эвенкии, вблизи озера Виви был поднят флаг Российской Федерации и установлен обелиск с изображением двуглавого орла.

О том, насколько велик наш край, говорит и то, что на его территорию приходится еще один географический центр — на этот раз всего азиатского материка. Этот пункт находится в верховьях Енисея, в Туве. Здесь, в городе Кызыле, на енисейском берегу в 1964 году сооружен обелиск, представляющий собой высокий трехгранный шпиль, покоящийся на четырехгранном кубическом основании. ЦЕНТР АЗИИ — выбито на постаменте на русском, английском и тувинском языках.

Ну, как после этого не согласиться с П. С. Кыткиным: «Центр у нас здесь!» Прошли времена, когда Сибирь была далекой захолустной окраиной, местом ссылки и каторги. Сегодня наш край вышел на арену мировой политики и экономики. У него прекрасное будущее.

Иван Петров,
г. Омск.

СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО

Г. Тимофеев, историк-краевед.

Первым общественным движением, которое выступило против колониальной политики русского царизма за Уралом, было сибирское областничество. Вождями и организаторами его были Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Корни идейной подготовки областничества восходят к 60-м годам XIX века, у истоков его стояли тоболяки П. А. Словцов и П. П. Ершов. Большое влияние на областническое мировоззрение оказали идеи историка А. П. Шапова о ведущей роли народных масс в историческом процессе и федеративном построении послереформенной России. Он обратил внимание на изучение общественного и частного быта малочисленных народов Сибири с целью построения вольно-народного устройства для приобщения этих народов к цивилизации, где бы господствовал «дух мирового объединения, сближения, примирения, где был бы дух мирской сходчивости и совещательности, мирской инициативы и мирской круговой поруки».

Идеи Шапова явились составной частью концепции сибирского областничества. Но главную роль в формировании идей областничества сыграли Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Именно ими и предложен ряд мер, направленных на подъем национального самосознания нерусских народов Сибири, коренное улучшение состояния «инородцев», спасение их от вымирания и эксплуатации. Ядринцев и Потанин считали, что Сибирь является колонией России, а ее нерусские народы находятся в наиболее кабальных условиях. Сибирские областники считали необходимым создание в составе России федеративной автономии Сибири. Наиболее революционным документом сибирских областников было воззвание «Патриотам Сибири».

В начальном периоде сибирского областничества (60-90-е годы) идейным вдохновителем, теоретиком и вождем движения был Н. М. Ядринцев — коренной сибиряк, уроженец Омска. По окончании гимназии в Томске он поступает в Петербургский университет, но после студенческих волнений уезжает в Сибирь с целью посвятить всю свою жизнь ее освобождению. В 1865 году как «сибирский сепаратист» Ядринцев вместе с С. С. Шашковым и Г. Н. Потаниным был арестован. В ссылке в Архангельской губернии он написал сочинение «Русская община в тюрьме и ссылке», затем ряд статей, в которых он призывал народы России в русло сельской крестьянской общины.

Через два года после освобождения из ссылки Ядринцев, вступив в Русское Географическое Общество, занялся этнографическим изучением Горного Алтая и исследованием жизни и быта сельской общины. Он становится историком, антропологом, этнографом, археологом и публицистом. В 1882 году вышел главный его труд — «Сибирь как колония». В том же году он организовал выпуск газеты «Восточное обозрение», в которой часто обсуждались вопросы расхищения естественных богатств Сибири центром.

В 1891 году Ядринцев закончил книгу «Сибирские инородцы». Рассматривая историю малочисленных народностей Сибири, он утверждал, что материальная и духовная культура любого народа — это часть общечеловеческого процесса и недопустимо пренебрежительное отношение к ним только на том основании, что они находятся на стадиях общественного и материального развития, уже пройденных другими народами. В историческом процессе Ядринцев усматривал важную роль взаимовлияния и взаимопроникновения культур, причем народам Сибири он отводил роль ретранслятора культурных контактов между Европой и Азией.

Вожди областничества поставили перед русской общественностью «инородческий» вопрос в его экономическом, политическом, национальном и научно-историческом аспектах. Они доказывали способность малочисленных народностей Севера к восприятию достижений цивилизации и приобщению к ценностям высшей культуры.

Необходимость предоставления самоуправления нерусским народностям Потанин усматривал в том, что Сибирь была превращена в колонию, в которой особенно остро ощущалась отсталость «инородческих племен» в просвещении и в экономической жизни. Он выражал уверенность, что если не в близком, то в отдаленном будущем Сибирь будет уравнена с другими областями России при обязательном сохранении особенностей национальных культур малочисленных народов Сибири. (Потанин Г. Н. Нужды Сибири. — В кн. «Сибирь, ее современное состояние и нужды». СПб, 1908, с. 261). Он считал, что пробужденные освободительным движением инородческие племена совершенно справедливо предъявляют русскому центру свои права на экономическое и культурное самоопределение. «Всякая область, — писал Потанин, — как бы скромна она ни была в размерах, в пределах культуры, искусства и умственной жизни имеет право на самостоятельное, независимое от остальных частей государства развитие своих сил» и «...развиваясь оригинально, культура этих народов внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа». (Там же).

Ядринцев и Потанин с целью пропаганды своих идей организовали выход патриотических газет «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», в которых остро ставили вопросы о приниженном и подчиненном положении Сибири, выступали против эксплуатации ее богатых ресурсов исключительно в государственных интересах, против колониальной политики правительства по отношению к нерусским народам Сибири. Самая главная нужда Сибири, о которой так заботились областники, заключалась в установлении правильных взаимоотношений метрополии и национальных окраин.

Ядринцев открыто осуждал захват государством земель у «инородцев». Хотя у них и не было частной собственности на землю, но они считали, что пространства, ими населенные, являются их владениями, которые веками были закреплены за ними на принципах обычного права. С включением Сибири в общероссийский рынок начался захват земель, который, по выражению Потанина, принимал головокружительные размеры, не имеющие никаких сдерживающих преград, и этим самым загонял «инородцев» в неудобные для культуры части страны, где они несли лишения и бедствия, страдали от болезней и вымирали, лишены права протеста.

Областники призывали русскую интеллигенцию к отказу от такой государственной политики, которая прикрывалась «теориями» неизбежного вымирания сибирских народов, тем более при соприкосновении их с цивилизацией. Областники доказывали, что еще в период дорусской истории все малочисленные народности Севера Сибири усвоили многие нормы цивилизации. Ядринцев был твердо убежден, что включение «инородцев» в культурную творческую жизнь будет определенным вкладом в общечеловеческую культуру и мировую цивилизацию. По этому поводу он писал: «Мы должны стремиться не к отчуждению от инородцев, а к сближе-

нию с ними, культурное повышение их для нас будет гораздо выгоднее, чем предоставление им полной замкнутости» (Сибирь как колония, с. 46).

В числе первых Ядринцев выступил с разоблачением хищнического истребления богатств Сибири, вскрывая антагонизм центра и периферии, который присутствует и сегодня в нашей жизни. «Рассматривая причины ненормальных экономических явлений на Востоке» — писал он, — мы приходим к заключению, что они лежат в историческом прошлом края и в особых условиях, созданных его исключительностью, господством произвола, отсутствием законности». Разрешение этой проблемы Ядринцев видел в постоянном и бдительном контроле общества и народа, чего так настойчиво по истечении века добиваются народы Севера и в наши дни.

Разностороннюю политическую деятельность вел Потанин: выступал со статьями в журналах и газетах, призывал русскую общественность к обновлению Сибири без всякого насилия, с помощью реформ, участвовал в жестких дискуссиях с социал-демократами, призывая их к осуществлению идей областничества. Он выдвинул идею о духовном родстве сибирских «инородцев» с другими народами, живое доказательство которого извлек из этнографических изысканий. Он обнаружил взаимовлияние и взаимопроникновение элементов русской культуры и культуры народов Сибири. Его научные воззрения в историко-социологическом аспекте основывались на территориально-экономическом принципе, земско-областной и естественно-научной теории в развитии человеческого общества. (см. сб. «Областнические тенденции в Сибири». Томск, 1915, с. 110).

Борьба против злоупотреблений центральной администрации, стремление убедить правительство в необходимости гуманного, справедливого отношения к народам Сибири было частью программы и практики областничества вплоть до октября 1917 года.

Следует отметить также, что областники основную силу видели в крестьянстве, переустройство российского общества связывали с материальными и духовными основами чисто сибирского (не помещичьего) землевладения, с сибирско-деревенским образом жизни и с родовой общиной инородцев. Сибирское областничество имело «внеклассовый», «интеллигентный» и общенациональный характер. Областники выработали оптимальный вариант освободительной борьбы масс против самодержавия, который мог, по их убеждению, обеспечить России мирный прогресс за счет цивилизованных, парламентских форм борьбы. Именно поэтому деятельность областников была направлена на сплочение вокруг себя всего народа на почве конституционных изменений на подъем национального самосознания нерусских народов. После октября 1917 года Потанин отошел от политической борьбы и выразил нежелание поощрять массовое вооруженное насилие против Временного правительства.

Х Х Х

Сибирские областники предлагали разумное решение национального вопроса через автономию и культурный сепаратизм. Жизненность их платформы подтверждается тем, что и через сто лет в определенных аспектах она перекликается с решениями VI съезда народных депутатов России, состоявшегося в апреле 1992 года. Именно сибирские областники выступали за различные формы собственности, за кустарные промыслы, восстановление родовых угодий и традиционных промыслов, связанных со средой обитания. Потанин писал: «...главный фактор в природе, который обуславливает физиономию страны: климат. Он обуславливает флору страны, ее пейзаж, фауну и наконец культуру человека» (Нужды Сибири, с. 263). Этот принцип, связывающий своеобразие труда человека со средой обитания, по мысли Потанина, «избавляет трудящегося от ужасов капитализма и служит ему на благо здоровья и процветающей жизни». Именно поэтому областники настаивали на

том, что нужно сохранить мелкого производителя, увековечить его производство. Почти через сто лет, уже в конце умирающей эпохи «казарменного социализма», в России вновь приступают к реанимации мелкого производителя, возлагая на него надежды в оздоровлении экономики страны, призывают спасти крестьянскую общину и признать право «инородцев» на их потомственные угодья.

В годы командно-административного руководства народности Севера подверглись жесткому волевому давлению. Отраслевой принцип управления и связанный с ним ведомственный подход к решению проблем не учитывал национальных особенностей и интересов этих народов, деформировал демографические, экономические, социальные процессы, разрушал национальную самобытность и поставил их на грань полного исчезновения. Среди коренного населения появились безработица, семейная и бытовая неустроенность, тайгу и тундру поразил алкоголизм, возросли число внебрачных детей, заболеваемость и смертность. Об этом с тревогой говорили депутаты на VI съезде народных депутатов России.

В преддверии съезда развернулись с учетом исторического опыта сибирских областников процессы получения автономии народами Сибири в рамках Российской Федерации. В развитие демократических идей сибирских областников в современном общественном движении снова поставлен на повестку дня вопрос о том, что каждый народ, независимо от его численности, имеет право на автономию и саморазвитие. Материальной основой такого развития может явиться суверенное право на землю и ее недра, только это может обеспечить вековую мечту северян, обобщенную в кредо сибирских областников еще в прошлом веке.

В марте 1992 года в Ханты-Мансийске было проведено совещание представителей автономных образований Российской Федерации, которое должно было проанализировать складывающуюся вокруг автономных округов политико-правовую ситуацию и выработать систему мер по их сохранению и развитию в аспекте последних (предсъездовских) вариантов Федеративного Договора и Конституции России. На этом совещании взгляды разделились: одни делегации упорно отстаивали максимальный суверенитет автономий с правом владения и распоряжения недрами, лесами и другими богатствами на своих территориях. Требования других делегаций были более ограниченными.

Особое внимание привлекло на этом совещании «Положение о статусе родовых угодий», которое было принято Ханты-Мансийским окружным Советом. Оно было одобрено всеми делегациями. Впервые в истории Советской власти четко и однозначно был принят документ, идею которого так ясно сформулировали сибирские областники в борьбе за историческую справедливость в вопросах экономического и духовного возрождения северных народов. В конце марта 1992 года на первом съезде депутатов территорий Сибири в Красноярске перед участниками был продемонстрирован чудом уцелевший документ, разработанный Г. Н. Потаниным, с которым он выступал на первом сибирском съезде в октябре 1917 года. В нем Потанин настаивал на автономии Сибири без отделения от России. Хотя всерьез на Красноярском съезде предложения потомков сибирских областников не обсуждались, ясно одно: рано или поздно все поймут, что только через автономию Сибири возможно возрождение России. Другого не дано.

Н. М. ЯДРИНЦЕВ

К МОЕЙ АВТОБИОГРАФИИ

Я родился в 1842 году в Омске и вывезен был из Омска нескольких недель. При рождении был слаб и хил, и родители боялись, что умру. Всю жизнь телосложение мое было слабое. С родителями путешествовал до 10 лет. Был в Тобольске 4 года, в Тюмени 4 года и 9 лет привезен в Томск. Учиться начал 6 лет, учил много стихов. В Тюмени 7 лет был в частном пансионе. В Томске до поступления в гимназию в пансионе пробыл 4 года, где выучился говорить по-французски. 12 лет определен был в Томскую гимназию и учился до 17 лет. В 6 классе пробыл 2 года. Перед окончательными экзаменами вышел и поехал в Петербург с матерью, для поступления в университет. С 1860 г. был вольнослушателем до 1863 г. Перестал слушать лекции после беспорядков в университете и вышел с другими, не желая принять новых правил. Начал писать в журналах с 1862 г. В Петербурге мною с Потаниным основано было 1-е сибирское землячество. Мы решили ехать в Сибирь. В 1863 г. выехал в Сибирь, в город Омск, где был до половины зимы, жил с Потаниным. Устраивал литературные чтения. Сведено было знакомство с казачьими офицерами. В Омске было много ссыльных поляков. В 1863 г. съездил в Томск передать сестре часть наследства, векселя и возвратился в Омск. В Томске свел знакомство с семинаристами. Нашею деятельностью было тогда направлять молодежь в университет. В Томске же познакомился с Пичугиным, даровитой личностью, сгруппировавшей кружок около себя. Это был самородок философ.

Возвратясь в Омск в 1863 г., жил год домашним учителем у Кузнецова, местного капиталиста. В 1864 г. устроил литературный вечер, где читал «Об общественной жизни сибирских городов», указывая на апатию, неподвижность жизни и т. д. (публичные чтения были напечатаны в «Томск. губ. вед.», 1864 г.). В Омске я жил, воротясь из Петербурга, в лихорадочной деятельности, основывал кружки и влиял на молодежь. Многие из корпуса и из казачьих офицеров поехали тогда в университет.

В Омске мои занятия кончились, и Потанин, возвратившийся из экспедиции, вызывал меня в Томск, куда он переехал служить секретарем статистического комитета. В это время мы вели деятельную переписку с Потаниным и задавались разными планами.

Мы мечтали издавать газету, сборник, памятные книжки. Мы желали пропагандировать необходимость основания университета. Потанин принимал меня в Томске пока сотрудничать в «Губернских ведомостях». Сначала я отнесся с предубеждением, и мне показалось, что в официальной газете едва ли можно найти место для выражения наших желаний. Эта неофициальная часть «ведомостей» мне казалась всегда губернаторской прихожей, где литературничали угодливые чиновники. Но при

безвыходности я, наконец, согласился и по приезде в Томск начал ряд статей. Оригинально было то, что для первой статьи я взял эпиграф из Герцена: «Vive la mort» — и да водрузится будущее!» Мы работали в неофициальной части «Том. губ. вед.» около полугода и старались сделать эту часть литературной. Это были первые шаги выяснения местных вопросов: к этому времени относятся мои публицистические опыты — «Сибирь пред судом русской литературы» (по поводу статей Шелгунова), «Инородческий вопрос» и друг[ие]. Зимой 1864-65 гг. приехал в Томск Шашков из Красноярска и прочел несколько публичных лекций. Они касались истории Сибири, но в то же время в них затрагивались животрепещущие вопросы, указывалась потребность университета, эмансипация инородцев и проч. Лекции произвели необыкновенный фурор, особенно среди молодежи и семинаристов. Об этих лекциях мы писали горячие письма нашим друзьям в Омск и Иркутск.

Наступила весна 1865 года, мы были в самом радужном настроении, и наши патристические планы все разрастались. Как вдруг внезапно в мае месяце 1865 г. разразилась над нами гроза. Мы были с Потаниным и Е. Я. Колосовым (поручиком артиллерии в отставке, имевшем частную школу в Томске) на заимке Пичугина на естественно-исторической экскурсии, когда нас вызвали в город и подвергли домашнему аресту. Бумаги наши были захвачены. Мы сначала не знали, по какому делу, но мрачные предчувствия нас охватили. Через 3 дня нас отправили с жандармами в Омск, и здесь начались новые мытарства и горькие испытания. В Омске нас представили к и[сполняющему] д[олжность] генерал-губернатора и затем отправили в острог. Каково было ощущение, каковы были первые минуты неволи, описано в моей книге «Русская община в тюрьме и ссылке». Началось следствие.

Дело сибирского сепаратизма, или «Дело об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам», — громкое название, какое было дано ему, — наделало шума. По этому делу было сделано много арестов в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Москве, Петербурге, Уральске. Свезено было весьма много народу и офицеров, уехавших в разные учебные заведения. Об этом деле писал Катков, печатали даже в лондонском «Times». Можно было подумать, что это было нечто грандиозное. Об этом деле меня много спрашивали, и нередко эти вопросы сопровождались ироническими улыбками: «Как вы отделяли Сибирь?» Конечно, в этом отношении много было повода поглумиться над горстью сибиряков-юношей, задававшихся какими-то несбыточными планами. Отделять Сибирь, по понятию многих, пустыню и страну ссылки, мечтать вести войну с огромным государством, — это могли только сумасшедшие или дети. Мне не приходится никому рассказывать подробностей этой истории, но должен сказать, что дело было не столько в определенно задуманном намерении, сколько в обвинении, которое стремилось навязать это намерение. Подлинное дело, возвращенное в 1868 г. из сената, хранится в Омском архиве. Оно состояло из нескольких томов, представляло запутанные и, при сильных налеганиях обвинителей, детские показания. Следствие велось пристрастно, и комиссия, состоявшая из члена совета главного управления, жандармского штаб-офицера, двух аудиторов и стряпчего, старалась установить обвинение, во что бы то ни стало связывая лиц, часто совсем не знакомых, или придавая товарищескому знакомству вид заговора. Наконец, следствие соединило в одно несколько отдельных событий и фактов, независимых и относящихся к разному времени. Первое, что обнаружено было — это кружок офицеров и кадетов в г. Омске, которые имели сношение со мной и с Потаниным: в этом кружке велась будто бы пропаганда сепаратизма. Многие из этого кружка отправились в высшие учебные заведения, но были арестованы на дороге или в столице. Во-вторых, обнаружено было, что единомышленники сибиряки жили и в других городах: Томске, Иркутске (Щукин), в Красноярске (Шашков). В-третьих, у сибирских сепаратистов было открыто воззвание или прокламация, найденная в Омске и в Иркутске. В-четвертых, обнаружи-

«Vive la mort» — да здравствует смерть (фр.)

лось из переписки, что сибирский кружок существовал уже в Петербурге среди студентов сибиряков. В обширной переписке высказывалось недовольство против правительства и часто заключались оскорбительные отзывы о правящих лицах. Таким образом, из всего этого была соткана сеть для обвинения, и многое подтвердилось, повидимому, «чистосердечными признаниями», как выражались аудиторы, вынуждавшие к сознанию.

Но достаточно указать на повод и на начало дела, чтобы увидеть, сколько в нем было случайного и преувеличенного.

Кадет Усов, роясь в столе, где лежали бумаги брата его, казачьего офицера, нечаянно с учебными тетрадками захватил листок, в котором были изложены взгляды на безотрадное положение Сибири и ее историю. Это произведение было написано, правда, горячо, во вкусе листков, распространившихся в столицах в 60-х годах. Кадет показал в корпусе это письмо товарищу, который взял его и начал пугать, что покажет начальству, если тот не даст ему пирогов. Наконец, этот кадет ловится с папиросой надзирателем и вместо табаку, сохраняя папиросы, отдает ему запретный листок, которого сам не читал. Надзиратель, конечно, был изумлен и представил листок начальству. Тогда был произведен обыск у старшего брата Усова — штаб-офицера, взята была переписка, и полетели телеграммы и депеши в разные концы. Кадеты также были арестованы и сидели с нами 3 года на гауптвахтах. Из 12- и 14-летних они вышли взрослыми юношами и поступили в юнкера. На гауптвахтах же содержался учитель Кузнецов (редактор «Томских ведомостей») с сыном 4-х лет, сиротой. Здесь же был привезен из Иркутского военного училища мальчик 12 лет, Золотин, обвинявшийся в том, что принес прокламацию Щукину, учителю в Иркутске. Множество было свезено и причастно к делу лиц самых разнообразных профессий, между прочим, старик, бывший аракчеевский писарь, шлявшийся в Иркутске по кабакам. Но в этой же среде обвинялись патриоты-писатели: Потанин, Шашков и я. Нас обвиняли в пропаганде, в составлении воззвания, в том, что мы писали в «Томск. губ. ведом.» (официальном органе) сепаратистские статьи, в том числе о необходимости для Сибири университета. «Кто вас просил об этом?» — говорили омские чиновники. Мысль об университете еще 10 лет после нашего дела считалась делом сепаратистов, и такие мнения высказывались даже после основания университета, хотя желание высшего учебного заведения едва ли могло относиться к идее сепаратизма.*

Шашкову на допросах задавались вопросы об его лекциях, причем были курьезы такого рода, что листки лекций и рукописей перемешивались, и лекции по общей истории смешались с сибирской историей. Следователи задавали вопрос, почему, говоря, о Сезострисе, вы переходите к истории губернатора Чичерина? Шашков ужасно иронизировал по этому поводу, и когда нам задали вопросы, чего бы мы желали для нашего края и что побудило нас к оппозиции, Шашков давал самые иронические ответы. Эти вопросы, видимо, предложены были по приказанию из Петербурга, а не были инициативой следственной комиссии. Что мы могли ответить на них? В нашем сердце было искреннее желание блага нашей забытой родине: нашей мечтою было ее просвещение, гражданское преуспеяние. В юношеских мечтах и желаниях многие местные вопросы еще были смутны и получили известную форму и жизнь только впоследствии. Мы отвечали, что желаем Сибири нового гласного суда, земства, больше гласности, поощрения промышленности, большей равноправности инородцам. Что тут было преступного? Было ли преступно горячо любить свою родину? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм. Что касается мечтаний и параллелей, что Сибирь когда-нибудь должна быть подобна Американским Сое-

* Не могу не припомнить по поводу статей в «Томск. губ. ведом.», что одновременно был предан суду и цензор, вице-губернатор, человек пустой, ограниченный и легкомысленный. Он так долго находился под судом сената, что в 1876., когда я явился в Сибирь к генерал-губернатору Казнакову на службу чиновником, он спросил меня, не могу ли я ему написать ответ по поводу вопросов: какие статьи он пропускал! «Боже мой!» — воскликнул я, — неужели вы еще под судом! Напишите, что вы пропустили статьи о сибирском университете, т. е. о чем ходатайствовал нынешний генерал-губернатор». (Примечание автора.)

диненным Штатам, то эти мысли были высказаны по поводу чтения истории колоний и их отделения ввиду несправедливостей метрополии. Об этом говорилось, как о факте отдаленного будущего. В данную минуту не могло быть никакой опасности от детей и юношей, составляющих общину, но не заговор.

Какова будет судьба нашей родины через 100, 200, 500 лет? Кто это может предугадать? Каковы будут отношения между дочерью (колонией) и матерью (метрополией), как обе они разовьются и выступят, как образуются гражданские интересы и вопросы той и другой стороны? Этого не могут предсказать ни мечтательные дети, ни умудренные старцы-философы. Едва ли достигнут цели какие-либо воззвания и обращения, когда общество неразвито, тупо, малограмотно и когда не проснулись в нем не только политические инстинкты, но и простое сознание собственного достоинства. Скоро мне минет 30 лет (в 1895 г.) с тех пор, когда явилось обвинение нас, первых патриотов, в сепаратизме. Это обвинение не изгладилось, несмотря на то, что многие сотоварищи мои перемерли, другие окончили блестящей карьерой, были, как Усов, полковыми командирами и т. д. Сменялись целые поколения молодых людей, и только после 1865 г. было два-три кружка сибиряков в процессах 70-х годов (Кашкин и еще кто-то), которые говорили о сепаратизме. Но я видел целый ряд юных выпусков сибиряков, которые трудно усваивали даже идеи патриотизма. Гораздо скорее усваивались разные социальные теории и направления русских молодых партий (народничество, марксизм, социализм и т. д.). После этого кличка или титул сепаратиста, которую мне давали, до конца оставалась только за мною*. Причинявшая много мне беспокойства и неприятностей, эта кличка, наконец, потеряла для меня всякое значение, и я стал равнодушен к ней. Если бы меня допросила под конец моей жизни какая-нибудь власть и вновь за мой патриотизм назвала бы меня сепаратистом, я бы сказал, что в целом ряде юного поколения она не найдет задатков сепаратизма, что и дел таких не возникало. Ежели же меня за мои убеждения и прошлое принято называть сепаратистом, как последнего из могикан, то я примирюсь, но тогда пусть власть успокоится, потому что едва ли может предстоять какая-либо опасность для государства от единственного сепаратиста, который скоро сойдет со сцены.

Дело было не в сепаратизме, а в уничтожении нежелательных патриотических стремлений в Сибири. После 1-го земляческого кружка в 60-х годах в Петербурге и после сибирского дела 1865 г. тенденция патриотизма, считаясь недозволительной, замирает на время. Но она не могла исчезнуть и выступила через несколько лет. Она должна была выступить при большем сознании местного общества и выяснении себе нужд края. Выступил вопрос об университете, выступил вопрос о ссылке. Появилась местная патриотическая печать. Само правительство желало удовлетворить некоторые местные нужды и требования и дало реформы.

[...] Суд был к нам строг: меня, Потанина и Шашкова сначала приговорили 12 лет каторги, но после смягчили наказание ввиду молодости и долгого содержания под следствием. Мы просидели 3 года в Омске, маленьком городке, сначала на гауптвахте, потом в остроге, ибо на гауптвахте было тесно. Мы помещались по 4 и 5 человек и начали болеть. Жили мы впроголодь, иногда питаюсь чаем и калачами. Нас спасла молодость. Тянулись года, в России совершались события, реформы, явилось земство, новый суд, разрослась каракозовщина. Наше дело было в комиссии Муравьева. Худяков, один из участников каракозовского дела, был сибиряк; я его знал в Петербурге.

В тюрьме и на гауптвахтах мы сокращали тюремные дни занятиями. Потанин выхлопотал право разбирать областной архив; я, Шашков и он работали над ним. Шашков извлек богатые материалы для своих исторических монографий, Потанин издал акты по истории Сибири XVII и XVIII вв., а я писал статьи — «История

* Между прочим, не раз скверная печать в лице «Сибирского вестника» старалась обновить эти обвинения. (Примечание автора.)

сибирской женщины в XVIII ст.» Наконец, в тюрьме я занялся этнографическими работами и собрал материал о ссыльных и бродягах для книги «Русская община в тюрьме и ссылке»...

Через 3 года тяжелого заключения вышла конфирмация. Потанину объявили приговор на эшафот, заковали в кандалы и увезли в Свеаборг. Помню это тягостное впечатление, это прощание и его, сидящего на полу с крупными каплями пота, звон заковки... Я кинулся отыскивать ему подкандалники, чтобы не терло ноги. Арестанты острога выражали живое участие, и подкандалники были кинуты через забор. Я помню бледное, утомленное лицо моего друга и учителя, его помутившийся взгляд, а затем тройку с жандармами и взвившуюся пыль.

В тюрьме были и жертвы. Несчастный Щукин, бывший большим агитатором и пропагандистом, помешался: у него явился мистический бред и, наконец, он отрекся от прошлого. Когда он шел с нами в ссылку на север России, он много причинял неприятностей. Он умер в Пинеге от воспаления мозга.

Когда кончилось дело, меня, братьев Усовых, Шайтанова (казацкого офицера), Золотина — мальчика и Шашкова отправили на север России. Это была обратная ссылка из Сибири: кажется, единственный случай, когда Сибирь была признана чьим-то отечеством и из него нужно было выдворить. Множество ссыльных, конечно, пожелали бы этого выдворения.

Нас повели по этапу. Этот путь до Архангельска я описал в одной из глав книги «Русская община в тюрьме». Мы шли с июня до сентября от Нижнего пешком; иногда к нам придирались, хотели заковать в ручные кандалы, но мы отстаивали свои права. В Перми нас жестоко выбранил инспектор пересыльной части за то, что мы, справившись с законом, просили отдельного помещения. Мы испытали арестантскую баржу и были покрыты блохами сплошь в пересыльных этапах. Особенно тяжело было положение болезненного Шашкова, не могшего идти пешком и ехавшего на телеге. В Костроме у нас затеряли документы, и мы прожили в замке 2 недели. Шашков ждал денег из редакции, и письмо раз переслал через палача, пользовавшегося в тюрьме льготами. Мы видели массу острогов, и наши наблюдения над тюремным бытом обогатились. Север России — Вологодская и Архангельская губ. — напомнил нам Сибирь по народу и нравам. У нас на дорогу по 10 руб. (с ними мы прошли всю Россию), данных благотворителями. Деньги истощились, платье изнашивалось. Были только казенные халаты и рубахи, которые при проверке причиняли массу беспокойства. «Серафима Шашкова, — выкликивал полуграмотный унтер-офицер, — юбка, каптурь есть?» А выходил наш товарищ Шашков, впоследствии известный писатель. Кого только не приходилось встречать: буянов-ссыльных, баричей, смотавшихся дворян, удалых молодцев — поволжских скитальцев без паспорта, всяких разночинцев, богомольцев, попадавших в острог, крестьянина с покорным видом, подлиповца, несчастную жену, возвращаемую на родину с отхожего промысла, и т. д.

Помню — раз Шашкова везли на телеге с сумасшедшим стариком и девушкой, больной сухоткой. Чего не насмотрелись и с какой компанией мы не перебывали! Впоследствии, странствуя и путешествуя, я не мог уже найти тех типов, которые давал этап. Эти острожники, эти страшные лица, эти измученные люди, давно уже, верно, покончившие жизнь в лесах и на каторге, вставали предо мною, когда я впоследствии писал свою книгу о русской тюрьме. Они вставали так живо, что мои нервы переживали прежние ощущения, да еще в усиленной степени. Я понимаю Достоевского, я галлюцинировал ими и переживал с ними их трагедию. Понятно, что мои собственные нервы стали чувствительны до болезненности.

В 1875 г. зимою я узнал, что в Западную Сибирь назначается новый генерал-губернатор Н. Г. Казнаков. От известного северного деятеля М. К. Сидорова, с которым я вел знакомство много лет, я узнал о личности нового генерал-губернатора. Оказалось, что он интересовался литературой о Сибири и собирал сведения по вопросу о сибирском университете. Я просил Сидорова познакомить меня с ним и представился генералу Казнакову. Он совершенно очаровал меня. Показал мне,

что он читал книгу Наумова, мою книгу «Русская община» и вообще интересуется живо сибирскими вопросами. «Скажите, что я могу сделать для Сибири?» — спрашивал он. Передав на словах о нуждах нашей окраины, я просил позволения представить ему записки и проекты по главным вопросам, между прочим, о ссылке, с программой, какие необходимо собрать сведения о современном положении ссылки и по истории сибирского университета и настоятельной потребности в нем.

Мысль об университете живо заняла генерал-губернатора Казнакова.

Я был в восторге, что нашел администратора, который так живо интересовался сибирским вопросом. Возвратясь домой, я передал моему другу, жене моей, о впечатлении и принятом обещании написать ряд записок.

Мой дорогой преданный друг и товарищ разделил мою радость, мои надежды, она знала, как я любил свою родину, как я желал ей блага. Однако вслед за этим явился один практический вопрос. За записками я должен был проработать с месяц или недель 6 и оставить текущие заработки по журнальной работе. Как быть? «Не беспокойся, — сказала Аделаида Федоровна, — как-нибудь устроимся. Работай, пиши и пользуйся случаем, такой редко выпадает!» я полагался на нее и не спросил, где мы добудем денег, чтобы жить.

В несколько недель я кончил записки, а у жены, как я заметил, куда-то исчезли два дорогие золотые браслета, принесенные ею в приданое. Я догадался и горячо поцеловал эти руки, которые отдали свое приданое в долю другого приданого, другой невесте, моей родине, начинавшей новую жизнь и обновление.

Записки я приносил г. Казнакову, и каждый раз наши беседы становились продолжительней. Он сознавал хорошо вред ссылки и настоятельную надобность университета. Когда я ему передал последние работы, я нашел Н. Г. Казнакова в мундире, воротившегося из дворца. Он передал мне радостную весть, что по его докладу государь согласился на создание университета в Сибири и поручил выработать ему проект. Н. Г. Казнаков поздравил меня, как сибиряка, и поцеловал. Я принял этот привет и поздравление нового друга Сибири. Для Сибири начиналась новая заря. Я писал в это время целый ряд статей в «Голосе» по поводу назначения нового генерал-губернатора и тех ожиданий, какие наполняют Сибирь. Я напоминал, как ждала Сибирь Сперанского, как ждет она давно правосудия, и т. д. Статьи эти были раскатами петербургского грома над трепетавшими сибирскими чиновниками, успокоившимися при Хрущеве и погрузившими Сибирь в застой, мрак и безгласность.

Мы проводили генерал-губернатора Казнакова. Перед отъездом он сказал мне, что постарается оправдать наши ожидания. Действительно, скоро донеслись известия, какое впечатление произвел его въезд в Сибирь. Многие бросили места, чуя угрозу. Он атаковывал встретивших его чиновников неожиданными вопросами о сибирских делах, о ссылке, и все изумлялись, откуда новый генерал-губернатор узнал все это. В Сибири привыкли видеть генерал-губернаторов незнакомыми с местными делами и брали их в руки. Здесь было наоборот. Генерал-губернатор Казнаков явился как бы ревизором.

[...]

Зимой 1875 года я познакомился и виделся часто с сибирским путешественником и милым человеком П. А. Ровинским. Это бывший профессор, деятель 60-х годов, живучая, страстная натура, любившая Сибирь (он жил долго в Славянских землях и Черногории). Мы много говорили с ним о том, что назрело время для сибирской печати и необходимо было бы издавать хотя сборники. Ровинский предложил мне познакомиться с Б. А. Милютиным, служившим в Вост. Сибири и издававшим там даже газету. У него была мысль издавать газету «Восток» в Петербурге. Он ходатайствовал, но ее не разрешили, потому что при Лонгинове — начальн. главн. управ. печати — был период, когда на увеличение газет смотрели не особенно благосклонно.

Целую зиму шли советы. Я посещал собрания у Милютина, но дело не выгорело. Зато выгорело другое. Наш приятель А. П. Нестеров в Иркутске приобрел газету «Сибирь» от Клиндера, газету захиревшую в неумелых руках. Сначала телеграфировали нам, чтобы мы взяли эту газету в Петербург, и я хотел действительно передать ее Милютину, войдя и со своей редакцией (Наумов, Потанин и я были налицо в Петербурге). Но комбинация эта не удалась ввиду разницы наших воззрений и кружка Милютина. Газете суждено было остаться в Иркутске; в ней приняли участие Нестеров, Вагин, Загоскин, и газета просуществовала много лет. Во все время мы ее поддерживали деятельным сотрудничеством.

При выходе ее с новой редакцией, однако, случился курьез.

В Иркутске у редактора и издателей иркутский полицмейстер (впоследствии судившийся за поджог и разные преступления) произвел обыск по тому поводу, что редакция имеет сношение с сепаратистами Потаниным и Ядринцевым, хотя мы были давно свободные люди. Этот самовольный поступок не получил одобрения со стороны властей в Иркутске, и газета начала выходить. Какие она испытала в Иркутске гонения и препятствия впоследствии, изложено в одной хронике, в «Отеч. записках» (не помню год, 1880 или 81 года). Во время пребывания в Петербурге я деятельно корреспондировал в газету. Познакомился я и с будущим попечителем и строителем сибирского университета В. М. Флоринским. Проект университета вырабатывался, но стал вопрос, где основать его — в Омске или в Томске. Я стоял за Томск.

Зимой 1876 года приехал в Петербург генерал-губернатор Казнаков и при свидании пригласил меня на службу. Предложение было соблазнительное — опять видеть родину. Генерал сказал: «Ядринцев, поедете со мной, вы любите свою Сибирь, вы так изучили ее нужды, ее вопросы, будем работать вместе». Это было приглашение благородного администратора и вызов патриота. Я понял все доверие нашим добрым желанием, нашим взглядам. Но для вступления на службу у меня не было никаких прав, я жил по паспорту, взятому из Архангельской губ. Когда я передал предложение генерал-губернатора родным и жене и спросил, согласны ли они будут, чтобы я вступил на службу и оставил Петербург, они благословили меня и дали согласие. Мы продали все свое имущество, оставили уютную квартиру в Петербурге, где так покойно жилось, я взял жену, ребенка и кормилицу и повез в Сибирь. Ехал на свой счет, так как разрешения на службу не было, и оно пришло через полгода в Омск, пройдя через комитет министров. При определении моем были солидные рекомендации ввиду моих литературных работ.

История моей службы длилась около 5 лет в Омске. Я писал массу проектов для генерал-губернатора, между прочим — о положении ссылки. Записка представлена была министру.

Совершил в это время 2 экспедиции в Алтай. Во все время генерал-губернатор покровительствовал мне, но чиновники не любили меня.

За отличие я был представлен к чину, но меня не утвердили, так как на основании циркуляра к 1-му чину за отличие не представляют, а нужно прослужить весь срок — для меня 9 лет.

Н. Г. Казнаков заболел и выехал в Петербург. А я после экспедиции в Алтай решил тоже оставить службу и обратился к литературной деятельности. Об этой новой эпохе жизни я напишу когда-нибудь.

СОБОЛЬ

Как чуден соболь на твоих,
Красавица, плечах,
Как нежно оттеняет он
Огонь в твоих очах.

Как он блестит, когда его
Посеребрят мороз...

Скажи, дитя, однако, кто
Тебе тот дар принес?

Наверно, тая от любви
В дань красоте твоей
Поклонник пылкий, молодой
Поднес тех соболей?

Твой рыцарь знатен и богат,
Красив и статен он,
И лаской за подарок свой
Он щедро награжден.

Но вот что мне скажи еще,
Кто рыцарь был другой,
Кто в глубине лесов добыл
Твой соболь дорогой?

Взгляни в далекую тайгу:
Уродливый на вид,
Там иноземец в шалаше
На голом мху лежит.

Он безобразен, жалок, дик;
В руке убогий лук,
И взор слезящийся его
Исполнен горьких мук.

Богатства добывает он
По дебрям и лесам,
Но вечно голоден и нищ
Зато бывает сам.

Увы! неведомый тебе
Бедняк в глуши умрет,
А с сладких уст твой поцелуй
Иной герой сорвет...

1885 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОКРУГЕ (1931—1940 г.г.)

К первому июля 1931 года, когда только начало свою работу организационное бюро по созданию Остяко-Вогульского национального округа, на его территории работало 89 школ, среди них 34 национальные. Из 3618 учащихся 808 были представителями малочисленных народов Севера. Но то, что создавалось десятилетиями, в округе было превзойдено за считанные годы. Уже к 1932-1933 учебному году открылась 61 новая школа, в т. ч. десять национальных, количество учащихся удвоилось, а в следующем учебном году в общеобразовательных школах занималось 11058 детей.

Но в это время (23-28 декабря 1934 г.) второй съезд Советов округа отмечал и большую нехватку учителей, и невысокий уровень преподавания некоторых предметов. Подготовка учителей на месте началась раньше. В сентябре 1932 года в Остяко-Вогульске был организован педагогический техникум, в который было принято 33 учащихся (18 на подготовительное отделение).

В 1931 году была разработана письменность для 14 малочисленных народностей Севера. В 1932 году Уральский облисполком принял решение о преподавании в первых классах национальных школ на родном языке. Сразу же в Остяко-Вогульске были организованы первые (семи-месячные) курсы учителей туземных (национальных) школ. 1 января 1933 г. 30 выпускников, а в числе их были десять

остяков (ханты), пять вогулы (манси), один ненец и один лопарь (саами) отправились в школы отдаленных селений. Большую помощь в их работе оказали вышедшие в начале 30-х годов хантыйские буквари Гаргера (на латинском алфавите) и учителя Казымской школы В. В. Зальцберг.

Неменьшее значение придавалось ликвидации неграмотности взрослого населения. В 1932 году по инициативе Наркомпроса, Комитета Севера и комсомола начался культпоход на Крайний Север, в котором участвовали учащиеся института Народов Севера, Северного отделения пединститута имени Герцена и сибирских национальных техникумов, учительская молодежь, местные политпросветработники. Задача его — подготовить местными силами «культурмейцев» (учителей-общественников для ликвидации неграмотности. — Н. П.).

В окружной газете «Остяко-Вогульская правда» (№ 2, 1932 г.) был опубликован план культэстафеты. Культармейцы раскреплялись по маршрутам: всеобуч, ликвидация неграмотности и малограмотности; дошкольное воспитание. Эстафета стартовала в начале 1932 года. Культармейцы разъехались по бригадам и звеньям рыбаков, охотников, оленеводов, чтобы провести учет неграмотных и малограмотных, оживить работу общества «Долой неграмотность», помочь школе.

Оргбюро окрисполкома приняло обязательное постановление «Ликвидировать неграмотность и малограмотность», где устанавливались льготы культурмейцам: первоочередное снабжение дефицитными товарами из ларьков колхозов и кооперации, 50-процентная скидка на билеты в кино и спектакли (раз в месяц). Уже в конце 1933 года в ликбезе округа обучалось 1568 человек, из них 513 националов, работало четыре платных ликвидатора и 30 культурмейцев.

Много национальной молодежи поступило в средние и другие учебные заведения. 5 февраля 1932 года был организован Тобольский оленеводческий техникум, в котором училось 11 хантов. В это же время в Тобольском медицинском техникуме занимались три ханты и семь манси. В самом Остяко-Вогульске 15 сентября 1932 года открылось подготовительное отделение Тобольского рыбного техникума, где обучалось 27 человек, в т. ч. 22 ханта, два манси, два коми. 20 апреля 1933 года открылась Остяко-Вогульская совпартшкола. К осени 1933 года в разные учебные заведения было направлено 724 молодых ханты и манси. В 1934 г. состоялся первый набор из 34 учащихся в Остяко-Вогульскую фельдшерско-акушерскую школу (теперь национальное медучилище).

В первые годы существования округа широкое развитие получила курсовая подготовка национальных кадров. С 20 января по 19 мая 1932 г. в окружном центре работали курсы советского строительства, которые окончили 44 человека. Всего в 1932-1933 гг. в округе работало 41 разных курсов, выпустивших 267 человек из малочисленных народностей Севера. Например, в Березовской двухгодичной школе туземного актива училось 112 человек. Назначения на работу были самые разные. Так, рыбак-ханты Н. П. Тюльканов после окончания окружных туземных курсов стал инструктором по массовой работе окружной газеты «Остяко-Вогульская правда».

20 апреля 1936 года открылись первые мансийские курсы при Сосьвинской культуре, где училось 27 человек.

Но все-таки решающим было школьное образование. Достоверные сводные статистические данные по этому периоду впервые были опубликованы в сборнике «Возрожденный народ», посвященном 10-летию округа (Омск, 1941 г.) Приведем здесь только самые основные. Если с 1931 по 1934 год за счет госбюджета было построено 14 школьных зданий, то с 1935 по 1939 — уже 24. Другими организациями, в основном Главным управлением Северного морского пути (ГУСМП), было возведено еще 38 школ. Таким образом за десятилетие построено 78 школ. Открывались школы и в приспособленных зданиях.

Динамика их роста такова. 1937 год — всего 154, из них 118 начальных, 32 неполных средних, четыре средних, а из общего числа 56 национальных. В 1940 году национальных стало 63, — средних семь, неполных средних 43, начальных 47, а всего 197. Т. е. общее количество школ за десятилетие увеличилось в 2,3 раза.

Количество учащихся за эти годы выросло более чем в четыре раза, а из северных народностей — в три с половиной. Учителей стало больше почти втрое, увеличился их качественный состав. Если в 1934 году было всего одиннадцать учителей с высшим образованием и 209 со средним, то в 1940 году соответственно 133 и 474. Ханты-Мансийское педучилище с 1935 по 1940 год выпустило 80 учителей, из них 37 представители народов Севера.

Общий расход на просвещение за десять лет возросли в 22,5 раза. Приводится и конкретный результат — перепись населения 1939-1940 годов показала, что грамотное население в округе составляло 75 процентов.

Н. Патрикеев,
историк-краевед.

У РОДНОГО ЧУГАСА

ШКОЛА

4 февраля 1907 года через Цингалы проезжал по этапу на вечное поселение в Сибирь в ссылку Лев Давыдович Троцкий (Бронштейн) из Тобольска в Берёзово. Позднее он вспоминал: «Стоим в деревеньке, которая называется Цингалинскими юртами. Здесь собственно не юрты, а деревенские избы, но население состоит, главным образом, из остяков. Это очень выраженный инородческий тип. Но склад жизни и речи чисто крестьянский. Здесь уже пошли рыбные места, мясо достать труднее. Ссылный учитель организовал здесь из крестьян и ссыльных рыболовную артель, купил невода, сам руководит рыбной ловлей в качестве старосты, сам возит рыбу в Тобольск».

Так вот этот ссыльный учитель Федяев и организовал в нашей деревне в 1905 году школу для местной детворы. Он проработал здесь до 1910 года. Школа сначала находилась в простом крестьянском доме. Затем силами общественности построили отдельный дом. Сами жители села заготавливали лес, вывозили его на лошадях и строили школу. Активное участие в этом деле принимала Устинья Гавриловна Шатина. С 1910 по 1914 годы в школе работала Кайдалова Августа Константиновна, с 1914 по 1928 годы — Кайдалова-Собринна, она же Просвирнина Татьяна Константиновна (сестра А. К. Кайдаловой). В 1926 году школа стала четырехклассной, двухкомплектной. Вторым работником была Серебрякова-Декова Анна Фоминична.

Первый разговор о школе, касающийся лично меня, я услышал от отца. Был праздник пасхи. С утра родители сходили на молебен в часовню, днем к кому-то в гости, под вечер пришли домой. Выпивший отец лег прямо на пол посередине избы, велел матери завернуть из бумаги сигарку и набить ее табаком. Закурил, сделал затяжку, выпустил из себя дым. Подумал, потом сказал:

— Мать, осенью Ваньку надо в школу отдать. Как ты думаешь?

— А я что? Мне все равно. Дело твое.

Услышав это, я выскочил во двор и закричал:

— Катька! Катька! Я осенью в школу пойду учиться!

Катька посмотрела на меня завидующими глазами и обиженно ответила: «А я еще маленькая». И чуть не заплакала.

После завтрака мать дала нам по два яичка, бордово-красные, выкрашенные в настое луковой шелухи. Я, Катька и Сережа сразу же стали испытывать свое счастье, «чокаться» яйцами. Я проиграл свое яйцо Сереже, а Катька мне. С этими крепкими яйцами я побежал к Тишке, но Тишка выиграл их у меня. Выиграл бессовестно, не по-дружески. Оказывается, у него поддельное было яйцо, из дерева, раскрашенное так, что не отличишь от настоящего.

Потом стали качаться на качелях. На пасху в каждом дворе делали качели. Качались-качались, потом вдруг у часовни зазвенел колокол. Мы побежали на звук. Старшие парни по очереди звонили-играли на колоколе,

как на музыкальном инструменте. Назвонившись досыта, они ушли играть в лапту, и настала наша очередь. Звонили до того, что, видимо, взрослым надоело слушать. Подошла к нам Устинья Гавриловна, первая богомолка в деревне:

— Ребятюшки, позвонили и хватит. Боженька-то много не любит звонить. Идите поиграйте.

Она взяла колокольную веревку и привязала ее за столб.

День был золотой, солнечный и очень теплый. В какие игры мы только не переиграли! В «третий лишний», в бабки, «выжигали» из круга мячом. Отдельно играли в бабки и взрослые парни. Бабки были выкрашены в разные краски. Больше всех выигрывали Парфений Молоков и Андрей Исаков. У Парфения их скапливалось до десяти тысяч, целые ящики. Бабки продавали и покупали.

ЗА ОТРОСТЕЛЯМИ

Июнь месяц. Половодье. Солнце палит нещадно.

— Тишка, поедем на остров за отростями!

— А на чем поедем? Лодки-то ведь нет!

— Как нет? Есть! Отец мой приехал с рыбалки. Полпереметки карасей привез да ведро утиных яиц. Только не знаю, чьи — одни голубенькие, другие белые с черными крапинками. Отец говорит, насобирали их на сплывнях. Лодка сейчас на берегу лежит, а отец спит. Поедем!

Тишка согласился. Оба еще первый раз в лодке самостоятельно. Я сижу в корме, управляю лодкой. Тишка впереди меня, гребет двурушным веслом. Но лодка меня никак не слушается, вертит носом из стороны в сторону. Отец в таких случаях все говорил: «Так только ленных уток гоняют». Мне приходится перекидывать весло с одной стороны на другую, чтоб нос лодки не вертелся, а шел прямо. Как это отец управляет лодкой с одной стороны, и лодка его слушается?

Тишка помогает мне. Концы весел подымает высоко-высоко, как будто хочет ими достать небо.

Я захотел поуправлять лодкой по-отцовски, и сразу весло как-то попало под лодку. Лодка накренилась на один бок, мы чуть-чуть не вывалились, немного зачерпнув воды. Кое-как доехали до кооперативных складов на острове. Склады и деревья до половины в воде. А тишина-то какая! Вода, как зеркало, не шелохнется, будто находится в полудреме. Вдруг, эту тишину нарушил куличок: «Куль в ведре! Куль в ведре! Куль в ведре!». И полилась эта его песенка над водной гладью далеко-далеко, до бесконечности. Его поддержал второй куличок. Какая радость на душе, какая теплота! Слушал бы их и слушал! Куличков сменила кукушка. Далеко-далеко слышался ее голос, полетел во вселенную. Простые звуки, а как они оживляют природу!

Мы ездили от талины к талине, ломали отротели — толстые, сочные. На юге громыхнул гром, надвигалась черная дождевая туча.

— Тишка, поехали скорее домой, гроза идет.

Только доехали до пристани — как грянет! Мы даже присели. Домой зашел, и полил дождь, как из ведра. Катька и Сережа обрадовались отростям.

ЗА СМОРОДИНОЙ

Кто-то сказал, что на острове поспела красная смородина. На этот раз нас собралась целая компания: Тишка, Тонька Лосева, Панка Вторушина, Колька Мамыкаев, Ванька Слинкин, Нинка Исакова и я. Тонька выпросила у своих родителей колоченную лодку-ангарку. Поехали вверх по протоке. Ехали весело, девчонки пели песни, смеялись друг над другом.

Доехали до места напротив Чугаса. Только лодка ткнулась в берег — всплеск! — и щука стрелой угодила в нашу лодку. Затрепыхалась, заюлила хвостом, раскрывая свою огромную пасть. Девчонки завизжали, повскакивали с мест и пугай вылетели на берег. Колька взял палку, стукнул щуку по голове — она успокоилась. Положил ее под беседку, чтоб птицы не испортили.

А ягод красным-красно по всему берегу. С ведерками, с лукошками мы разбрелись по кустам. Одну кисть в ведро, две в рот, две в ведро — одну в рот, пока не насытились, не набили оскомину на зубах. Колька вдруг зашептал:

— Ребята! Ребята! Смотрите! заяц!

Действительно — из-за кустика выскочил на полянку серенький зайчик. Посидел. Послушал. Ушами поводил! Опять — прыг, скок. Мы притаились, притихли, наблюдаем за ним. Ванька не выдержал — как свистнет! Зайчик встrepенулся, прыгнул во весь мах — только мы его и видели. А Нинка на смородиновом кусту нашла птичье гнездышко. В гнездышке были четыре голеньких желторотых птенчика с большими разинутыми ртами. Вокруг нас летала беспокойная мать. Ванька хотел убить эту беззащитную птичку, разбросать птенчиков, но мы ему не дали.

На обратном пути увидели на плывущей карче водяную крысу. Смотрит она на нас своими глазками-бусинками, сушится и греется на солнце. А потом — юрк в воду! Долго ее не было. Вынырнула. Опять нырнула. Так мы ее и оставили. Как хорошо! Смородины набрали и лесных чудес насмотрелись.

НАЧАЛО УЧЕБЫ

Вот и сентябрь 1923 года. Я одел через плечо сумку, сшитую матерью из простого домотканого холста, и пошел первый раз в первый класс. Сумка висела на мне до самой земли на длинной лямке, болталась во все стороны, потому что была почти пуста.

Зашел сначала к соседу Тишке. У Тишки точно такая же сумка. Дорогой нас догнала Тонька Лосева. Вот и школа. Открыли дверь школы — по ушам сразу ударил шум. Все кричат, бегают друг за другом, скачут по партам. Вдруг стало тихо. Я даже не понял, что случилось. Все смотрят в одну сторону — в двери стоит строгая учительница среднего роста с жесткими темными волосами, лицо испорчено оспой. Я ее знаю. Она приходила к нам записывать меня в школу. Учительница ввела нас в классную комнату, посадила. Я попал на первую парту с Тишкой. Ребята и девчонки были почти все знакомые.

В первом ряду сидели мы, первоклассники, во втором — второклассники, в третьем — третьеклассники. Перед нашим рядом стояла черная доска, перед вторым — стол учительницы, перед третьим — еще одна классная доска. За досками в отдалении была сцена, сколоченная из некрашенных досок. Первый и второй класс занимались в первую смену, третий во вторую. Учительница дала задание второму классу и обратилась к нам:

— Давайте, дети, знакомиться. Меня зовут Татьяна Константиновна. Фамилия моя Собрина. Теперь познакомимся со школой. В школе есть свой порядок, его надо знать и выполнять. Сразу привыкнуть трудно, будем учиться постепенно. У нас есть колокольчик, он будет оповещать о начале и конце урока. Будем учиться писать, читать, считать, решать задачи. Чтобы всему этому научиться, надо внимательно меня слушать, сидеть тихо, не мешать своему соседу.

Учительница дала нам чистые листочки бумаги, цветные карандаши. Сама стала работать со вторым классом. Часто переходила от класса к классу, давала задания и проверяла их. Просмотрела наши рисунки — кое-кого похвалила. Собрала листочки, стала читать нам сказку «Репка», показала картинки. Прозвенел звонок. Урок кончился.

Так началась моя учеба. Пошли дни за днями. Учился слабовато, трудно давалась азбука. Дома помогали Оська и Манька, а в школе к слабым ученикам учительница прикрепила более сильных. Ко мне прикреплена была Палаша Вторушина, она меня и учила после уроков. С общей помощью я одолел азы грамоты.

ОСЬКА

14 октября 1923 года в нашей семье еще пополнение — родилась сестра Рая. В эту зиму с Оськой случилась непоправимая беда. Вечером около нашего дома на улице ребята играли в «котел». Игра увлекательная. Каждый игрок вооружается обыкновенной палкой или клюшкой. Еще нужен кожаный небольшой мяч или просто конский мерзляк. Играющие по кругу делают для себя лунки, а водящий в середине круга — «котел». Игроки охраняют клюшками свои лунки и должны мяч забить в котел. Водящий охраняет свой котел, отбивает биту, уловив удобный момент, стремится поставить клюшку в пустую лунку зазевавшегося игрока. Тот, чья лунка окажется занятой, становится водящим. Если мяч попал в котел, водящий становится игроком.

В самый разгар игры кто-то из игроков закричал: «Берегись, ребята!». Кто успел — отскочили в сторону. Кто не успел — того оглоблей ударило или санями в сторону отбросило. По игровому месту во весь мах пролетела пара лошадей с кошёвкой. В снежной пыли только мелькнула широкая спина в тулупе. Видимо, провезли какого-то большого начальника из Самарово в Тобольск.

Когда очухались, Оськи среди ребят не оказалось. Он лежал на дороге в пятидесяти метрах. Его подмяли под себя кони, а потом он попал под кошевку и тащился под ней. Подбежали к нему — лежит, как мертвый. Потом помаленьку стал шевелиться, пришел в себя. Подняли его под руки и повели домой. После этой мялки он долго болел. Медицинской помощи не было, на помощь опять пришла бабка Василиса — лечила своими снадобьями. Мало-помалу Оська стал под-

ниматься на ноги. Вот только голова не стала прямо держаться, а все время валилась назад.

К этой беде прилипла еще другая: летом Оська заболел лихорадкой. Болезнь очень мучительная, берет она человека к вечеру, внезапно. Больной начинает мерзнуть, хоть укрывай его двумя-тремя одеялами или шубами. Потом приходит трясучка, да такая — только зубы побрякивают. Внезапно она прекращается, больного бросает в пот. Начинает постепенно улучшаться состояние. Бабки-знахарки эту болезнь вытраивали из больного своим методом — испугом. Надо, мол, больного во время трясучки напугать. Все это Оська перенес на себе. Был молодой, красивый, белокурый парень, девки уже за ним бегали, а стал инвалидом. Работать уже не мог.

СМЕРТЬ ОТЦА

Весна ухудшила здоровье отца. Он крепился, крепился, но выбился из сил, болезнь окончательно свалила его. Ходить уже не мог. Из Горно-Филинска приехал фельдшер Григорий Алексеевич Пуртов. Он осмотрел отца, прослушал какой-то трубочкой с грибком на конце, пальцами поколотил по груди, по спине, покачал головой и сказал:

— Болезнь сильно запущена. Рад бы помочь, но бессилен. Для поддержания здоровья надо больше свежего воздуха, особенно хвойного, чаще бывать в лесу.

На другой день Оська и я принесли с Чугаса по охалке пихтовых веток. Их развесили в избе по стенам. Сразу изба наполнилась ароматом, смолистым запахом. Когда ветки засыхали, заменяли их свежими. А отец все кашлял и кашлял, таял и таял. Болезнь взяла свое. Утром проснулись — мать стоит у постели отца и плачет:

— Ребятишки, отец умер! Как же я с вами одна буду? Что мне делать? Горюшко ты мое! Господь, батюшка, помоги ты нам!

Эта беда случилась в апреле 1924 года.

Да, без отца стало труднее. При нем рыба всегда была для пропитания — зимой и летом, рыбак он был удачливый. А теперь приходилось ловить самим. Несколько раз я замечал: мать куда-то уходила с сеткой, а потом у нас появлялась рыба. И на этот раз к нам пришла Настенька Исакова с сеткой под мышкой, о чем-то поговорила с мамой. Мать тоже взяла сетку, стала ее разбирать, чтоб не было узлов и путаницы. Пошли они на какое-то озеро. Утром на столе была свежая карасья уха.

Глядя на мать, я и Тишка тоже занялись рыбалкой. Только мы сеток не ставили, а ловили удочками. В магазине продавали удочки, почему-то их называли «аглицкими», — мать купила несколько штук по моей просьбе. Много окуня скапливалось в Чугасной речке — вот его и ловили. Карася добывали на Батурином озере. Целыми днями занимались ловлей, каждый день была свежая рыба. Мать освободилась от этого занятия.

Так мы стали полусиротами. Оську к осени отправили на государственное содержание в дом инвалидов (богадельню) в Тобольск, Маньку — в школу-интернат для народов Севера в тузсемилетку в Самарово. Нас на руках матери осталось четверо — я, Катерина, Сергей и Рая.

(Окончание в следующем номере.)

А. Н. Радищев

(...) *Возуличи, жительствовавшие по обеим сторонам Югорского хребта, что мы Уральскими, а древние Рифейскими горами называют, возуличи менее других терпеливо смотреть могли на укрепившихся в Пермии россиян; по той естественной причине, что, будучи ближайшие к пределам Пермии, жребий порабощения им предлагал первее. Собираясь во множестве, они беспокоивали почасту селящих я в Пермии россиян и нередко разоряли новые их селитьбы. В начале пришествия россиян в Великую Пермью российские великие князья малое могли давать подкрепление устремляющимся на властвование своим подданным: ибо, заметить то мимоходом, что присоединение Сибири к российскому владению был плод усилия частных людей, корыстолюбием вождаемых. Сие не на одного Ермака с его товарищами относиться должно, но на всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самая Америки. Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский. И если бы место было здесь на рассуждение, то бы показать можно было, что предприимчивость и ненарушимость в последовании предпринятого есть и было первою причиною к успехам россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного сии качества в них не воздремали. О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снисkanie всего того, что соделать может блаженство общественное!*

Великий князь Иван Васильевич, первый положивший основание к последственному величию России, восхотел воздержать беспокойных возуличей, а более того побуждаемый, может быть, желанием присвоения новых областей, приведением под державу свою живущих по берегам Ледовитого моря народов, известных под именем самоеди или самоедов, отправил в 1499 году в Югорскую землю довольно войско под предводительством двух воевод, или начальников. Успех оных был сходствующ с образом тогдашнего образа воевания. Степенные книги говорят: многие городки взяты, много людей побито, а князья их на Москву приведены. Сей поход, вероятно, был поводом к предпринятому после того через два года другому походу (или же сей был продолжением токмо первого) под предводительством тех же воевод. Войско, с ними отправленное, состояло из живших в соседстве Югории ратных людей, по той естественной причине, что, будучи более о состоянии сея земли известны, побуждения их к воеванию ее могли быть тем вящие, чем лучше знали они, что войною сею приобрести могли. В сей раз российские войска доходили до Оби реки, около тех мест, где ныне стоит Березов. Но как не видно, чтобы тогда намерены были удержать сию землю под своею державою, то россияне возвратились совсем из Сибири с добычею и пленниками.

Каковы были сношения России с Сибирью с того времени, неизвестно до 1557 году; но из древней одной грамоты, писанной в сем году, а паче из Степенной книги под сим же годом видно, что некоторые сибирские земли были уже подвластны России: ибо от царя Ивана Васильевича посланы туда были разные люди для получения дани, состоящей в соболях. А хотя сибирский князь Едигер и прислал царю присяжную грамоту, но она следствия подданства не имела: ибо Едигер тогда же побежден бухарским ханом Кучумом, который завладел всеми землями, по течению Иртыша и впадающих в него рек лежащими, и Сибирь пребывала еще России неподвластною.

Таковые сношения с Сибирью подали россиянам о сей земле высокие мысли, а особливо с того времени, как знатный житель Соли Вычегодской Аника Строганов завел весьма прибыльную с Сибирью торговлю. (...)

(«Слово о Ермаке»)

Примечание: «Слово о Ермаке» впервые было опубликовано сыновьями писателя в 6 томе «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (М., 1811) под заглавием «Сокращенное повествование о приобретении Сибири».

Николай Шамсутдинов

ПОКОРИТЕЛЬ

Песец нада. Рыбка нада. Хорошо
будем платить. Спирт есть. Водка
есть. Нада песец. Шкурка два
А. Гольд. «Полярные встречи»

Взревел мотор...
Ознобно лягнув, траки
Застыли за стеною.
Визг собаки
В сознание впился...
Подминая шум,
Лицо задернув беглою улыбкой,
Целенаправлен —
«Есть песец? Есть рыбка?» —
Он входит в чум.
Он,
Вскормленник прогресса, покоритель,
Точнее — тривиальный потребитель,
По жизни, как по кроткой тундре,
Прет.
Здоровьем пышет,
Оптимизмом дышит,
В одном не сомневаясь: «Тундра спит...», —
А коли так — нахрапистой берет.
Дорогою,
В ложке заметив лося,
Рванувши рычаги,
С азартной злостью
Он бросил вездеход за лосем вслед,
Хоть знал, кромсая ягельник и травы,
Что гусеничный, страшный след потравы
Залижет тундра
Через двадцать лет.
Он бровью не повел,
втянув под траки
Комочек всполощенной куропатки,
Ее — пушком над тундрой размело.

Николай Шамсутдинов родился в 1949 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал авиамехаником, геологом, художником, тележурналистом. Автор нескольких поэтических сборников, изданных в Москве и Екатеринбурге.

Член Союза писателей России. Недавно возглавил создающуюся информационно-издательскую фирму «Автохтон» в структуре Тюменского отделения фонда «Возрождение».

ЯнзееоП
ЯнзееоП
ЯнзееоП
ЯнзееоП
ЯнзееоП

...Он входит в чум:
 «Давай песец и рыбка...» —
 Бессильна заскорузлая улыбка
 Скрыть алчное, вспотевшее мурло.
 Но, сединою прорастая в вечер,
 Хозяин поднимается навстречу,
 Как будто тундру заслонив собой.
 Весь в пляшущих, багровых бликах,
 Смуглый,
 Готовит чай, помешивая угли,
 Согбенная —
 В спине мигает боль.
 Старик мой таганок с огня снимает,
 По кружкам чай неспешно разливает,
 Обдумывая вечное, свое...
 И в каждом жесте проступает мудро
 Достоинство,
 Воспитанное тундрой,
 Эпическим величием ее.
 Все, чем богата строгая природа,
 Здесь воплотилось генотипом рода
 Охотников, табунщиков...
 Они,
 Сознанием объемля мирозданье
 Как вечное пространство для касланья,
 До моря
 Пронесли огни свои.
 Все сдюжили, умея притерпеться
 К морозам и нужде,
 Не тратя сердце
 На злобу и корысть...
 В снегах седых
 Учились не смиренности, а терпению,
 И прочно уложились в поколеньях
 Их убежденья
 И заветы их.
 Став частью величавого пространства,
 Старик вобрал его в себя,
 Пристрастно
 От шкурников храня, в конце концов...
 И он глядит с презрением и болью,
 Как пляшет перед ним —

в поту —

Чужое,
 Ограбленное жадностью лицо.
 Глядит...
 Понять ли прохиндея хочет,
 Хотя все чаще, чаще сердце ропщет,
 Ведь с каждою потравою спеклось.
 И алчное —
 «Давай песец и рыбка!..» —
 Размывшее фальшивую улыбку,
 Молчаньем
 В старике отозвалось.
 И данник мелкотравчатой страстишки
 Запнулся вдруг
 И понял, что он — лишний
 В великой тундре, где комар поет,
 Где землю берегут, каслают, строят,
 И он — ничтожней комара — не стоит
 Внимания

и чуткости ее...

ДУХОВНАЯ МОЯ НАСТАВНИЦА

(К 80-летию народной сказительницы

Таисии Сергеевны Чучелиной)

Юрты Чучели — деревенька в десяток дворов, где родилась и выросла Таисия Сергеевна Чучелина, казалась ей самым прекрасным местом на земле. Здесь, на острове, по преданию, жил защитник чучелинцев Менгк-великан. Святой. Мяса не ел. Карасей, бывало, стоямя в котел наставит, сидит на берегу, охраняет ловцов, что добывают белую рыбу на большой реке. А как стали в советское время артель сколачивать, собрания собирать, шуметь-разговаривать, он потихоньку покинул кедровый остров. Видели его под Тобольском. Седой, как куропатка зимняя. Проговорил чучелинским обозничкам, точно гром пророкотал: «Моему народу привет сказывайте!» И больше его не видели...

Так и сплеталось реальное с выдумкой.

х х х

— Что долго не шла? Я вспомнила сказку. И другую почти целиком вспомнила. Да вот уж обе и забыла, покуда тебя дожидалась.

Я сожалею, винюсь перед старушкой, но уже не вернуть нам эти два вымысла. Так и человечество теряет то одно, то другое. На первый взгляд, эка невидаль — сказки! Но ведь «если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?»

От незрячей сказительницы в Ханты-Мансийске я записала около ста произведений устной народной прозы. А могла бы и больше.

Не успела.

Как мы живем?

Гонимся за насущным, суесловим, тряпичничаем. И невдомек, что истинно насущное — в наследовании прошлого духовного опыта...

Я выросла в том же мире, что Таисия Сергеевна. Считалось, что ханты в окрестностях села Самарово — нынешнего Ханты-Мансийска — обрусевшие. Крещенные, венчались в часовнях и церквах, держали скот, занимались огородничеством. А русские ес-

тественно впитывали элементы хантской культуры. Может быть, с известной долей иронии. Но к верованиям, родовым заповедям ханты мои предки относились с глубоким почтением.

Начнут, бывало, Таисия Сергеевна и ее опекунша Галина Алексеевна Киселева доколхозную жизнь вспоминать.

— У чучелинских своей земли дополна было, а у нас в Скрипуново картошку покупали! — подковырнет Галина Алексеевна.

— Некогда было с огородами! — отстаивает «честь» Чучелей Таисья Сергеевна. — Рыбалка ждала. Но и мы маленько садили, на осень хватало.

Жили промыслом, собирательством, кормились от тайги и реки. Зато держали овец — «козлук», имели коров, лошадей. Сами напрямую торговали с тобольскими купчиками. Тетушки Таисьи Сергеевны ходили в извозе, водили рыбные обозы в Тобольск, меняли рыбу на муку, соль и другие товары, а хозяйственную мелочь покупали в Самарово, куда сбывали вяленого чебака.

Покойная старость выпала Таисии Сергеевне. Михаил Серапионович Сосновских — добрейшей души человек, мастер на все руки — круглый год ловил рыбу. Он с 1978 года являлся главным опекуном сказительницы. В доме был достаток. Ее окружали дети и внуки Галины Алексеевны. Они и были первыми нашими слушателями.

Сама Таисья Сергеевна никогда не состояла в браке. До старости ютилась в келье — коммуналке с печным отоплением. Привечала, подкармливала, общивала многочисленных родственников. Искусство кройки и шитья она освоила в 14 лет. Шила по русской моде, но могла изготовить и национальную одежду. Зрение испортила в войну: сутками, при слабом освещении, шила ватники фронтовикам. После войны вернулась к

вышивке бисером, национальным орнаментам. Участвовала в выставках прикладного искусства. От городских до все-союзных. Ее разноцветные варежки, носки, чулки из овечьей шерсти радовали глаз, согревали тело и душу.

Катастрофически быстро ухудшалось зрение. И она старалась успеть вложить в свои изделия весь накопленный опыт народной культуры. Кое-что успела. Ее изделия можно увидеть в музее Революции, в Ленинградском этнографическом, в Тюменском краеведческом, в окружном и районных музеях.

В 50 лет слепота ее одолела.

Что может быть страшней для творца?

В это время — в 1973 году — я и познакомилась с Таисией Сергеевной. Тогда впервые и услышала от нее: «Здесь жили богатыри...»

Через 10 лет по просьбе хантыйского писателя Еремея Айпина она отворила мне дверь в Храм сказаний, сказок и легенд.

Записанное от сказительницы можно отнести к следующим жанрам: героические сказания («Мозым-Ики-Пох — покровитель ненцев», «Богатырша Нёхос»), сказки о животных («Кот или Пайхон», «Петух для богов»), волшебные истории («Саввушка-разумник», «Северное сияние»), былички («Как медведь сердился», «Слезы сирот») и т. д.

Я думаю, ошибочно называть созданные мной произведения для детей хантыйскими сказками. Это скорее — северные югорские сказки. В них хантыйские мотивы, персонажи из хантыяского фольклора, но я владею только русским языком и воспитана на русской литературе. По-видимому, сказки на основе устных хантыйских сокровищ следует считать чем-то связующим русскую культуру с национальной хантыйской.

Если сказки сборника «Олле и Гусь-богатырь» (Средне-Уральское книжное издательство, 1989 г.), созданного в соавторстве с Таисией Сергеевной, мало подвергались изменениям, то сказки сборника «Как Мышата и Лягушата внучатами стали», изданного в 1992 году совместно Средне-Уральским книжным издательством и концерном «Северный дом», подверглись изменениям значительным. В них много игрового, фантастического, что в общем-то не свойственно устным историям хантов. Да и ни один автор пока еще не создал «чистые» хантыйские сказки, предназначенные для «всесоюзного» малыша. Возможно, в будущем кто-то и напишет. Но до той поры сказки, сбереженные Таисией Сергеевной, переданные ею мне, порадуют наших малышей. Ведь сказки, как греческие мифы, русские былины, претерпевают изменения формы, но неизменными остаются в них нравственные ценности.

Мечтаю написать художественный очерк о жизни и творчестве Таисии Сергеевны.

Мечтаю издать рукопись героических сказаний «Сказки для мальчиков» и книгу волшебных сказок «Сказки для Карины».

Доведется ли? О, времена!

И тем не менее сделаю все возможное для сохранения духовных сокровищ, дарованных нам великой Сказительницей, окрыляющих душу и возвышающих мою судьбу.

КАК ЩУКА СЕБЕ ГОЛОВУ СДЕЛАЛА

Хантыйская сказка

Раньше щука безголовая была. Уродливей ее не находилось в речках нашего края. Долго просила щука Водяного царя — Ингк-хон подарить ей голову. Ингк-хон отказывал:

— Ты злая. Много рыбы изведешь. Не дам тебе зубов, не дам головы.

Вот однажды ушел Ингк-хон к людям в гости. Щука стала под мостками, с которых женщины воду черпали, караулит.

Бежала по берегу девочка — сирота Сотхотлопэ. За день Сотхотлопэ сто домов обошла, устала, пить захотела. Легла девочка на мостки, напиться не может, пьет. А щука раздувалась, раздувалась, сделалась громадная — и проглотила Сотхотлопэ. Смастерила из девочки для головы хрящ — мягкую косточку, на крест похожую.

Плыл рыбак в лодочке-обласке, греб, согнувшись. И его проглотила ненасытная щука. Получились из лодочки крепкие челюсти. И рыбак в дело пошел. Прибыло с ним крепости в щучьей башке. Под вечер переплывал реку лось. Отломила щука ударом хвоста лосиную ногу с копытом. И такая кость, похожая на лосиную ногу, щучьей голове пригодилась.

Старушка горбатая шла с сыном вдоль берега, вязанку хвороста несла, забрела в реку ноги сполоснуть. Утащила злая рыба старую женщину вместе с хворостом. Сын старушки на выручку кинулся, и он в пасть щуки попал. Из этой добычи выкроила рыба сразу несколько костей.

Плыла по реке деревянная лопата. Разинула щука рот пошире, проглотила лопату, лобовую часть себе из нее сделала.

Черпала неподалеку девушка воду, упустила берестяной ковш.

— Пригодится! — радуется щука.

Много еще людей и добра заглотила эта хитрая рыбы, соорудила себе громадную голову и острые, как частокол, зубы.

Под утро возвратился Ингк-хон из гостей в Обь, ужаснулся щучьему виду.

А щука как раз в проточке стояла-отдыхала. Ингк-хон заметил, что щука дремлет, и отвел всю воду из проточки в Обь.

На восходе Хатл-Ими¹ двинулась по небу, заметила страшную щуку на мели, остановилась, пригляделась.

Ингк-хон из Оби подсказывает:

— Суши, Хатл-Ими, шальную голову этой непослушной рыбы. Пусть маленькой сделается ее голова!

Хатл-Ими направила на щучью голову свой свет и зной, хорошо просушила. Аккуратная рыбья голова стала, чуть больше, чем у крупной нельмы.

— Теперь довольно, — сказал Ингк-хон. — Однако нет ли в щучьей утробе живых людей? Пощупай ее, Хатл-Ими, лучами-стрелами.

Послала женщина-Солнце лучи, стали они покалывать щучье брюхо, и выскочили из рыбины: девочка Сотхотлопэ и рыбак на лодочке, старушка с вязанкой хвороста и ее сын с лосиной ногой в руке.

Много всякого добра вывалилось из щуки, и стала она как все рыбы обыкновенные. Но уж голову-то, но уж зубастую не смог Ингк-хон у хитрой рыбины отнять. Так до сих пор щуки хищные, зубастые и ходят, пальца им в рот не кладут. Про эту рыбу ханты поговорку сложили: «У щуки и мертвой зубы живые».

¹ Хатл-Ими — Солнце [хант.].

ОБРЯД, СВЯЗАННЫЙ С МЕДВЕЖЬИМ ПРАЗДНИКОМ.

От редакции: Медвежий праздник бытует у многих народов Севера, но у каждого народа он проводится по-своему. Разнообразие его проведения наблюдается даже у одного и того же народа, в том числе и у манси.

Материалы, которые легли в основу этой работы, собраны кандидатом филологических наук Е. И. Ромбандеевой в д. Хошлог Березовского района, где она родилась и выросла. Факты записаны со слов Егора Семеновича Овесова, Марии Дмитриевны Ромбандеевой, Анны Ивановны Номиной. В статье отражено также и собственное детское восприятие этого праздника.

х х х

Медвежий праздник или, медвежьи пляски — это было хорошо организованное национальное театральное представление у манси.

Соблюдение обряда, связанного с обнаружением медведя, начинается у манси сразу же, как только охотник находит берлогу (воуха букв. «яма»). Он должен поставить две палки крест накрест у входа в берлогу (пусас йивыг букв. «изгородь»). Это, якобы, делается для того, чтобы медведь не вышел из берлоги.

Человек, нашедший берлогу, возвращается в охотничий шалаш к товарищам. Ему нельзя говорить прямо об обнаруженной берлоге, нельзя говорить лишнее. Если же по опечаленному виду охотника товарищи догадаются, что их спутник обнаружил что-то серьезное, то они могут в осторожной, иносказательной форме спросить его о своей догадке. А тому разрешается (тоже в иносказательной форме) признаться в обнаружении берлоги. Скрыть же это охотник не имеет права, якобы, медведь на него обидится.

На следующий день охотники основательно готовятся (без излишней болтовни. — Комментарий информанта) и отправляются с серьезными намерениями в путь. Подойдя к берлоге, они вводят палку вовнутрь, начинают тревожить медведя, чтобы он высунулся из ямы. Как только медведь выскочит по грудь, его убивают метким запуском стрелы или выстрелом (сэмлыг паттаво букв. черным сделают его). Ранить зверя нельзя — опасно!

Убили медведя, вытащили его из берлоги, начинается игра. Охотники отходят от убитого медведя, тут же возвращаются к нему и говорят: «Ну вот, мы старались-старались, оказывается, это мохнатая собака У сын отыр ойки... (собака Мужчины, обладающего городом). Если медведь, то процедура «непризнания» повторяется пять раз, если же медведица, то — четыре раза.

И вот, наконец, охотники «узнают», что они добыли того, перед кем можно устраивать пляски и игрища! И тут все люди, добывшие медведя, хватают друг друга, начинают бороться, выражая этим радость победы над сильным противником, сильным и опасным зверем тайги. Если зима, то

при таком торжестве забрасывают снегом, если лето, то обливают водой. В игре борются, меряются силами. Наконец, наигрались досыта и успокоились. Начинают освежевывать зверя. Если это медведица, то в четырех местах разрезают шкуру. Якобы, это развязывают его (ее) пять (четыре) завязки шубы (сахи теунанэ). Причем первый надрез делается у пупка.

Закончили освежевывать добычу, делают лежанку, именуемую люлькой. Это изготавливается так: берут гибкую палку, сгибают в дугу, закрепляют эту дугу тремя поперечными укреплениями-перекладинами (тосанэ). Дугообразная часть «люльки» считается передом ее, а концы — задней частью. На эту «люльку» погружают шкуру медведя с (целиком оставленной) головой. Голову кладут на лапы с когтями, а носом устраивают к дугообразному концу «люльки». Затем эту «люльку» ставят передом, зимой — на нарту, летом — на лодку. Охотники едут домой в деревню, исполняя медвежьи эпические песни. Подъезжая к почитаемым местам предков, они выкрикивают хором: «Уть ушум охов!» — что значит — добыли медведя. Если они везут медведя, этот выкрик повторяется пять раз, если же медведицу то — четыре раза. (Верхнесосьвинские манси кричат при добыче медведя: «Уй сали-воли охов!»).

Наконец, охотники с добычей подъезжают к деревне. Они подают сигнал, одновременно стреляют из своих ружей и выкрикивают слова «Уть-ушум охов!» (пять или четыре раза в зависимости от пола добытого медведя. В прошлом, когда не было ружей, сигнал предупреждения подавали только криком). В деревне услышали сигнал охотников, узнали, кого они везут, засуетились, забегали, в соответствии с полом убитого медведя начали готовиться к встрече. Взрослые и дети, торопясь, надевают на себя самое лучшее, наряжаются, выходят на улицу, идут навстречу к охотникам, туда, где те сделают остановку. Пять (четыре) женщин деревни, якобы, снохи медведя (манянэ), идут навстречу с подоженной чагой в посудине, которую держат обычно в правой руке.

На месте остановки нарт или лодок начинается игра-борьба. Много народу или мало народу — все принимают участие в ней, забрасывают снегом (обливают водой). Считается нормой, если кого-нибудь удастся сбросить в воду в нарядной одежде, обуви. Женщины и дети обычно стараются убежать от таких охотников удачи. Общий смех, шутки, веселье, радость. Собаки тут же вертятся под ногами, радуются, машут хвостами. Наконец, наигрались, успокоились.

В доме хозяина, добывшего медведя, в переднем углу сооружается полка (уй норма). Вносят «люльку» с медведем в дом, ставят ее на эту полку. Перед полкой сооружается нечто наподобие рамы, в виде окна, и оббивается красивой тканью. Получается нарядный вид, словно это окно, а из окна виднеется разнаряженный медведь. Глаза его закрываются серебряной монетой, на конец морды прикрепляется серебряная чашка из священного ящика, на когти надеваются блестящие кольца, спина его покрыта шелковым священным халатом (ярмак сахи). Любо смотреть на медведя, словно улыбается, радуется, так хорошо выглядит!

Все жители деревни готовятся к празднованию в честь добытого медведя. Выступающие готовят соответствующие костюмы, а зрители достают свои лучшие наряды из сундуков и мешков, идут в дом, где приготовлено все для праздника. Соседние деревни тоже оповещаются о предстоящем празднике, оттуда приезжают все желающие на своих быстроногих оленях (на лодках). Хозяйки из соседних домов берут с собой чашки с едой (пурлан аны), заходят в праздничный дом, подходят к медведю, целуют его, чашку с едой ставят на стол перед медведем (следует отметить, что мужчины целуют мужскую сторону медведя — левую, сердечную, а женщины — женскую сторону медведя, то есть правую).

На стол перед медведем ставится длинная берестяная чашка с едой, разделенная на две части, одна из которых предназначена для пищи лиц женского пола, другая — для лиц мужского пола. Из теста делают изображение оленей, косачей, грибов, шишек — всего того, чем питается медведь. Перед медведем стоят также хлеб, табак (это потому, что медведь некогда был, якобы, человеком. — Комментарий информанта).

Люди собираются на праздник. Мужчины в соседнем доме заготавливают берестяные маски для выступающих в вечернее и в ночное время (днем же все работают, делают свои дела).

В далеком прошлом каждый день перед выступлением масок пять (четыре) мужчин одевались в шелковые халаты из священных ящичков, в остроконечные шапки с семью лоскутами на макушке, становились перед медведем, брались за мизинцы, покачивая скрепленные таким образом руки вперед-назад, исполняли пять (четыре) медвежьих песен пробуждения (уи эрыг). При исполнении песен пробуждения помещение может быть совсем пустым (но дети, любознательные всегда присутствуют, молча слушают, смотрят, и на них никто не обращает внимания). После этого торжественного обряда вечером начинались представления.

В медвежьем празднике должны были участвовать все: взрослые и дети, мужчины и женщины. Считалось, что если кто-нибудь не примет участия, медведь обидится, и когда-нибудь причинит ему неприятность. Этому верили все. Перед появлением выступающих в берестяных масках в перерывах между номерами мужчины, мальчики исполняли под звучание санквылтапа (струнный инструмент) мужские танцы, а женщины и девочки с лицами, закрытыми платком, кистями рук исполняли женские танцы. Особенно активными были дети, начиная с трехлетнего возраста. Пожилые говорили детям: «хоть раз, но нужно потанцевать перед медведем, иначе он обидится и летом, во время сбора ягод, может поугасть вас». Дети искренне верили взрослым, боялись медведя и плясали, как могли. Некоторых малышей-танцоров взрослые хвалили, подбадривали. (Вынужденное выступление (пляска), по-видимому, было придумано мудрым человеком для выявления талантов как среди взрослых, так и среди детей).

Маски заходили в помещение, обязательно здоровались: «Паша-паша!» (здравствуйте, здравствуйте). Танцевавшие перед медведем тут же разбежались по углам, освобождая место для артистов-масок, которые так наряжаются и меняют свой голос, что трудно узнать их. Они выступают так искусно, так берут за сердце, что мурашки по спине пробегают.

Итак, представление начинается. Одни маски уходят, другие приходят, изображая самые разные эпизоды жизни (как в кино. — Комментарий информанта). Показывали, как люди жили в прошлом, каким образом ловили рыбу, добывали зверя; представляли богатых и бедных людей; побывавшего в городе и расхваставшегося, зазнавшегося человека; недостатки в характерах людей, не называя имен; были ли они трусливы, были ли драчливы, лечили ли людей неумело, трогали ли чужие ловушки... Особенно осуждалось воровство. Если поймали вора на месте преступления, тут же строго наказывали его. (Дабы другим неповадно было. — Комментарий информанта). Иногда те, кого они критиковали, присутствовали в это время, но они не должны были обижаться на артистов (это настоящая критика!) — Комментарий информанта).

Представляли на празднике и людей других национальностей, изображая их примечательные черты характера: коми — торговцами, купцами; татар — взад-вперед подпрыгивающими, с вставленными между ног разрушенными колокольчиками, бубенчиками, палкой (иксям хатань); русских — человеком в женском наряде (голова повязана платочком, вокруг бедра обернута тряпка-юбка), моющим полы и ругающимся на всех со словами: «Ходят туда-сюда,

топчут пол». (Эту сцену обычно показывал Андрей Осипович Сайнахов — высокий, худощавый мужчина).

Медвежьи пляски для нашего народа были школой развлечения, обучения трудовым навыкам, школой храбрости и смелости, нравственной морали. Через критику и юмор учились жить, воспитывать людей, на плясках очищали и усталую свою душу и снова шли в тайгу. Сами манси о медвежьих плясках говорили: «После пляски (уй никваве) на душе становится легко и весело, тяжелая работа не кажется уже особо трудной. После плясок с облегченной душой снова беремся за свой труд, терпим морозы, невзгоды жизни».

В далеком прошлом добытого медведя чествовали восемь ночей, а медведицу — семь. Затем появился запрет на медвежьи праздники. Однако, несмотря на это, все-таки тайно праздник устраивали. При медведе успевали играть пять вечеров, а при медведице — четыре вечера. Но совсем не стали показывать торжественных номеров с представлением перед медведем духов-предков манси. А в прошлом это делалось так: перед тем, как ввести в зрительное помещение духа-предка, окуривали дом чагой, затем входил мужчина и докладывал, что вот сейчас придет к нам на праздник такой-то дух-предок. Музыкант начинал исполнять на инструменте санквылтап его призывную мелодию. Если у духа есть призывной речитатив, то вместе с мелодией напеваются и слова призыва.

Для истории народа важно, в какой очередности представляются на медвежьем празднике предки (наиотырэ), в том числе предок-человек на коне (лувн хум) и сам медведь с хрюканьем: хох-хох...

Сам же медведь, как покровитель, и его праздник, по-видимому, были введены в жизнь народа манси значительно позднее, после того, как укрепились и обосновались они на территории теперешней (в сказаниях говорится, что дочь Нуми торума опустилась с неба на болотистую, покрытую шиповником и черемухой землю, на такую, где живут теперь манси... Она, не выдержав трудностей на Земле, стала медведицей, и пять звезд на небе, созвездие Малая медведица, над территорией, проживания манси именованы медведю. И манси знают, что медведь моложе всех покровителей (наи-отыр героинь-богатырей), и по этой причине его называют (апсикве) младший братик, а нижнесосьвинские манси медведя называют брат нашей матери (сасыгкве). Поэтому он сидит на столе, и ему, как самому младшему, докладывают о древних предках манси и показывают их ему в том наряде, какой им присвоен потомками.

Главных духов-предков жителей деревни Мувынтес было семь богатырей (я талих сат отыр). На медвежьем празднике их показывали дважды. Первый раз люди, плывущие на лодке. Один мужчина весной во время отстрела уток на Оби поехал охотиться. Уток не было. И вдруг он видит: по весеннему половодью то ли большая коряга, то ли что-то другое несет течением. Когда плывущий предмет приблизился, мужчина увидел лодку и в ней Семь богатырей. Охотник испугался, потерял дар речи. А они сидят в лодке, слегка покачивают головами враз в такт музыке и гребле. Они поют о том, чтобы охотник их не боялся и признал бы своими покровителями, защитниками. Охотник принял их предложение, вышел на берег, взял свой топор, срубил дерево, из него изготовили изображения семи братьев (ула). Вся эта работа проходила под пение-восхваление семи богатырей на хантыйском языке. С этого момента он считает их своими духами-покровителями, защитниками. Они же ему ничего дурного не причиняют и только добра желают.

После этого богатыри сделали остановку в Березове на мысу и посадили там семь лиственниц, затем продолжили путь по Вогулке и вышли к реке Хохон-Я, под конец поселились в Соракте, на устье его притока Хулюм.

ОРНАМЕНТ «ТРЯСОГУЗКА»

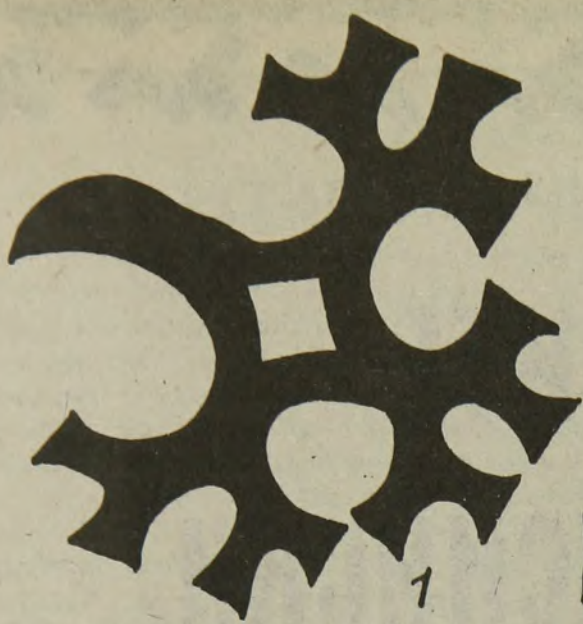
Трясогузка — довольно-таки широко распространенная птичка. В небольших лесных стойбищах она держится неподалеку от жилья и постоянно сопровождает человека. В теплые летне-осенние вечера, когда все члены хантыйской семьи возвращаются из леса — кто с рыбалки, кто с ягод, и, собравшись на дворе, занимаются домашними делами, можно наблюдать, как эти птички, беспрестанно перелетая с места на место, помахивая хвостиком, снуют между людьми, поедая всевозможных жучков, комаров и других насекомых, которые скапливаются возле жилья. Чем интенсивней деятельность стойбища, чем больше людей в нем проживают, тем больше птичек держится возле него, находя для себя корм. Такое постоянное близкое соседство человека и трясогузки объяснялось тем, что это «йис тоши вой» — «душу несущая птица». Считается, что одна из душ человека после его смерти уносится трясогузкой. Поэтому в изображение этой птицы и по сегодняшний день вкладывают магическое значение. По историческим же источникам известно, что при похоронах человека на крышке гроба изображали Солнце, Луну (что делается и теперь) и трясогузку или тетерева. Птицу изображали с целью «привязать» душу к месту погребения, чтобы она не уходила к живым.

Изображение трясогузки и теперь воспринимается пожилыми мастерами как символ границы двух миров — Нижнего и Среднего. В сказках же можно встретить утверждение, что трясогузка — это душа шамана.

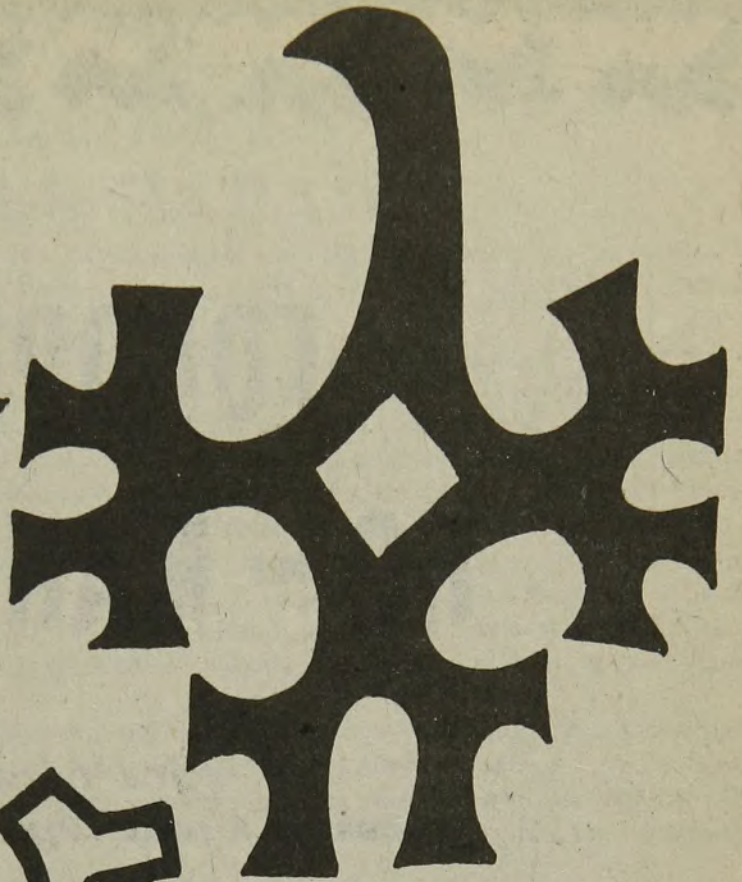
На рисунке, кроме изображений трясогузки на изделиях современных мастериц (1—5), приводится а) изображение «знамени» (подписи) остяка Березовского уезда в 1648 году и б) татуировка трясогузки на правой руке остячки с Ильбигорта на реке Казым (зарисовка С. Руденко в 1920-е годы).

Можно наглядно убедиться в преемственности традиций изображения животных и птиц. Сегодняшний орнамент имеет корни как в «знаменах», так и в татуировках. По мнению ученых, в прошлом татуировка широко применялась, по-видимому, как с целью украшения тела, так и с целью лечения от ревматизма и болей в суставах. С последней целью она применяется иногда и в настоящее время, но уже в упрощенном виде — либо в виде креста, либо простой полоски.

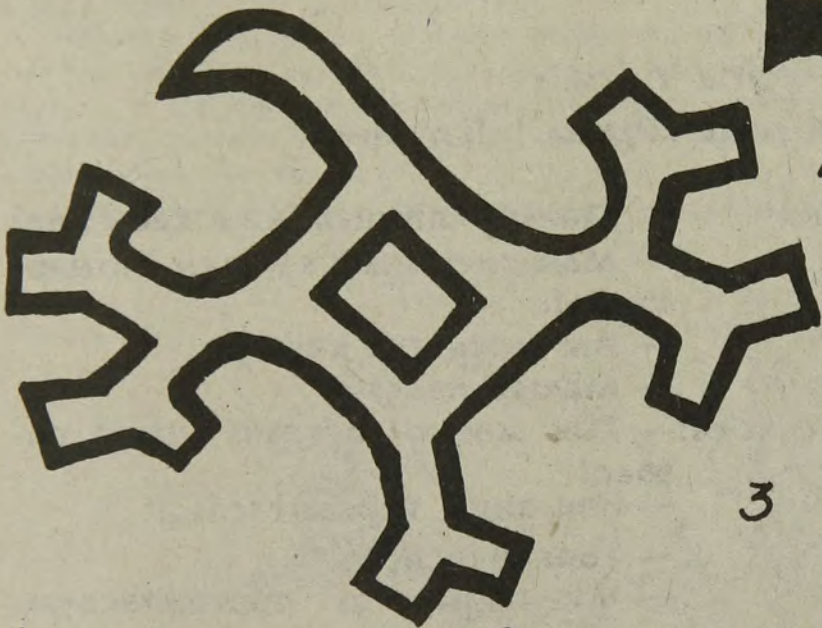
Т. Молданова

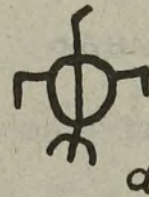
1

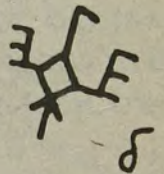
2

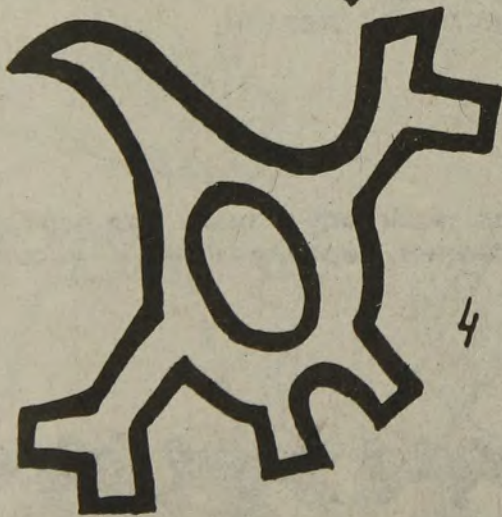
3

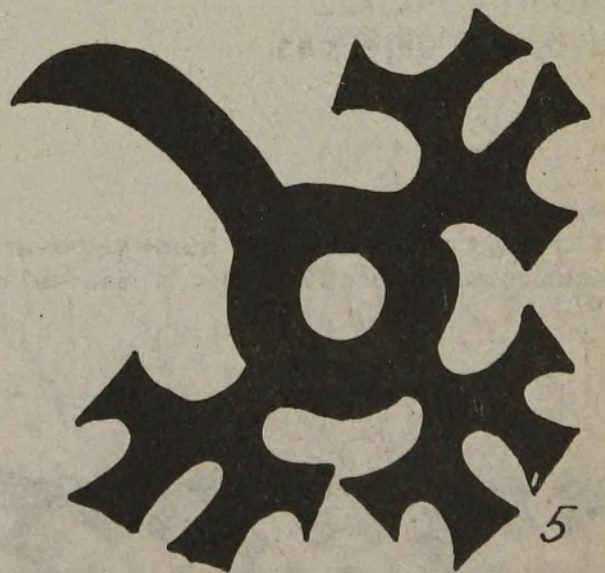
a

b

4

5

ГОВОРИТЕ ПО – МАНСИЙСКИ

Урок пятый
Словарь к теме «Язык» («Латын»)

Вы понимаете по-мансийски?

Да, я понимаю (говорю)
по-мансийски.

Я немного понимаю

Что Вы сказали?

Как это называется по-мансийски? — Тыи маньси лат^ныл хумус ла-
ваве!

Ты меня понял?

Да, понял.

Я тебя не понял.

Повторите еще раз.

— Маньси лат^ныл нан хасэгына!

— Маньси лат^ныл хасэгум (потыр-
тэгум).

— Ам мось туп хасэгум.

— Маныр лавсы^н!

— Тыи маньси лат^ныл хумус ла-
ваве!

— На^н а^нум торгамтаслын!

— Торгамтаслум.

— Ам на^нын ат торгамтаслум.

— Аквсес ос лавен.

Примечание:

В связи с отсутствием в полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «н».

САМОДЕЛЬНАЯ ОХОТНИЧЬЯ ПАЛАТКА

Охотничья палатка должна отвечать определенным требованиям, то есть быть портативной, легкой, с удобным входом; она должна быть устроена так, чтобы ее можно было обогревать теплом от костра.

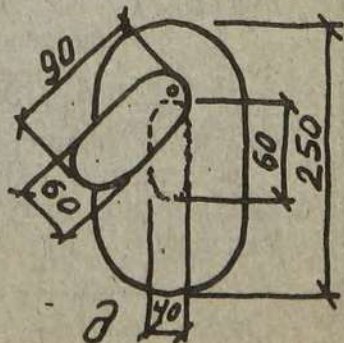
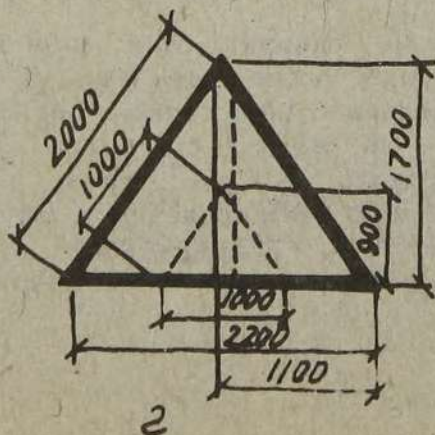
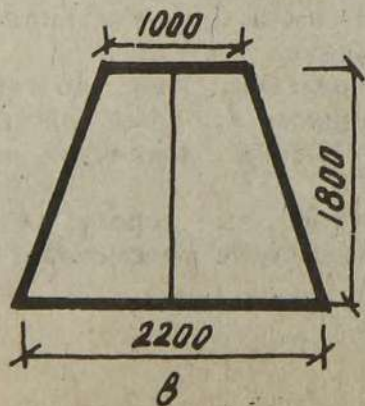
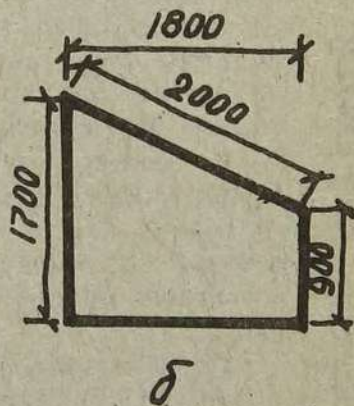
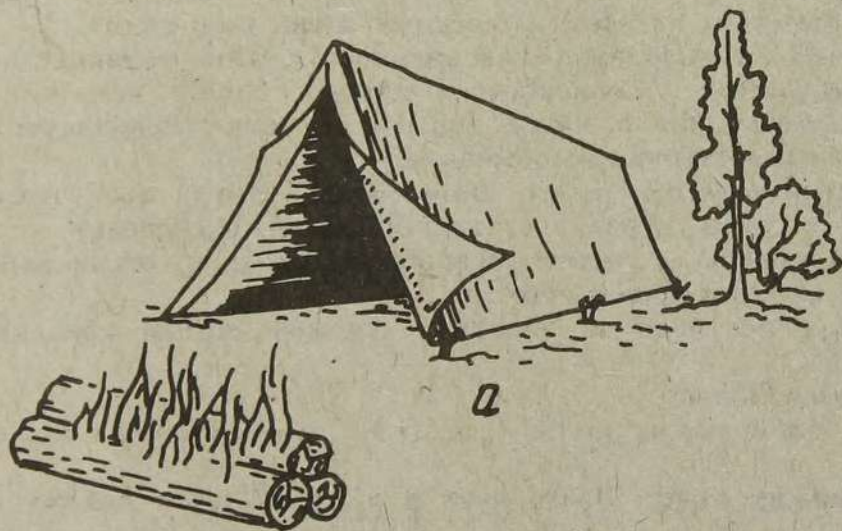
Палатки, выпускаемые нашими предприятиями, не полностью отвечают перечисленным требованиям. К примеру, двухместную палатку, которой пользуется большинство охотников, невозможно обогревать от костра, ее нельзя использовать как шатер из-за недостаточной высоты, нельзя устанавливать на лодке.

Учитывая это, я сшил палатку, несколько отличающуюся от тех, что продаются в магазинах, и очень доволен ею. Если на двухместную палатку без пола расходуется около 14 м² материала, то на предлагаемую мной палатку требуется только 10 м². При этом внутренний объем не уменьшается, наоборот, в ней значительно просторнее. Вес палатки снижен почти на треть, что очень важно при ходовой охоте. Общий вес ее с разделкой для печки и чехлом 2,2 кг, а размеры в свернутом виде 7×18×30 см.

Палатка шьется из обычного плащпалаточного материала и представляет уширенный спереди двухскатный шатер. В палатку удобно войти и выйти выпрямившись, а не согнувшись; в ней удобно сидеть, ее прекрасно обогревает костер, тепло которого циркулирует по всему внутреннему периметру палатки; палатку можно устанавливать на лодке.

Общий вид палатки, ее размеры приведены на рисунках.

В. Королев

ТАПСВАТПАУЛЬ: ЗИМНИЕ ДНИ

М. Заплатин

Здесь же, на одном из кедров, мы увидели вырубленный знак, оповещающий, что в этом уголке леса манси убили медведя. Они всегда так делали — на стволе дерева вблизи места охоты на зверя вырубали его символическую фигуру, называемую «уйхури». Это мансийское слово так переводится: «изображение, похожее на зверя».

«Уйхури» представляет из себя развернутую в плане шкуру медведя: туловище с тупой мордой, маленькие округленные уши, четыре растопыренные по бокам лапы, коротенький хвост. На самом изображении вырезан катпос — персональный знак руки охотника, обозначающий, проще говоря, его фамилию, имя и отчество. Над головой медведя несколько зарубок — это число людей, участвовавших в охоте. Зарубки под изображением — столько собак при этом событии было. Увидят люди такой знак — им станет известно, кто убил медведя, кому оказывать уважение за охотничью доблесть.

Плывя по реке дальше, мы замечали на прибрежных деревьях и другие знаки. Часто встречалось вырубленное на стволе изображение лосиной ноги — уйлагыл. Дословно — задняя нога зверя. На изображении было характерное раздвинутое острое копыто лося, тонкая нога постепенно утолщалась к бедренной части. Катпос посредине, зарубки о числе людей и количестве собак — те же знаки, что и при медвежьей охоте.

Встречались изображения ног с тупыми концами копыт — надо понимать, что вблизи был убит не лось, а северный олень «вор сали».

Все это так называемая «картинная письменность». Она сравнительно недавно была распространена у мансийского народа. Кроме нее, манси не имели никакой грамоты. Но в наши дни такие знаки практикуются только охотниками, верными старинным обычаям.

К закату мы достигли устья речки Маньинквор. Вечер был тихий. Прибрежные золоченые леса стояли в таинственном оцепенении. Это состояние леса передавалось и нам: загадочное затишье откликалось в душе настороженностью, ожиданием чего-то.

Утром проснулись — все бело за палаткой. За ночь выпал обильный снег.

Первым забеспокоился Борис:

— Ну, братцы, забираться выше по реке не советую: можем застынуть с лодками...

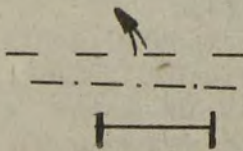
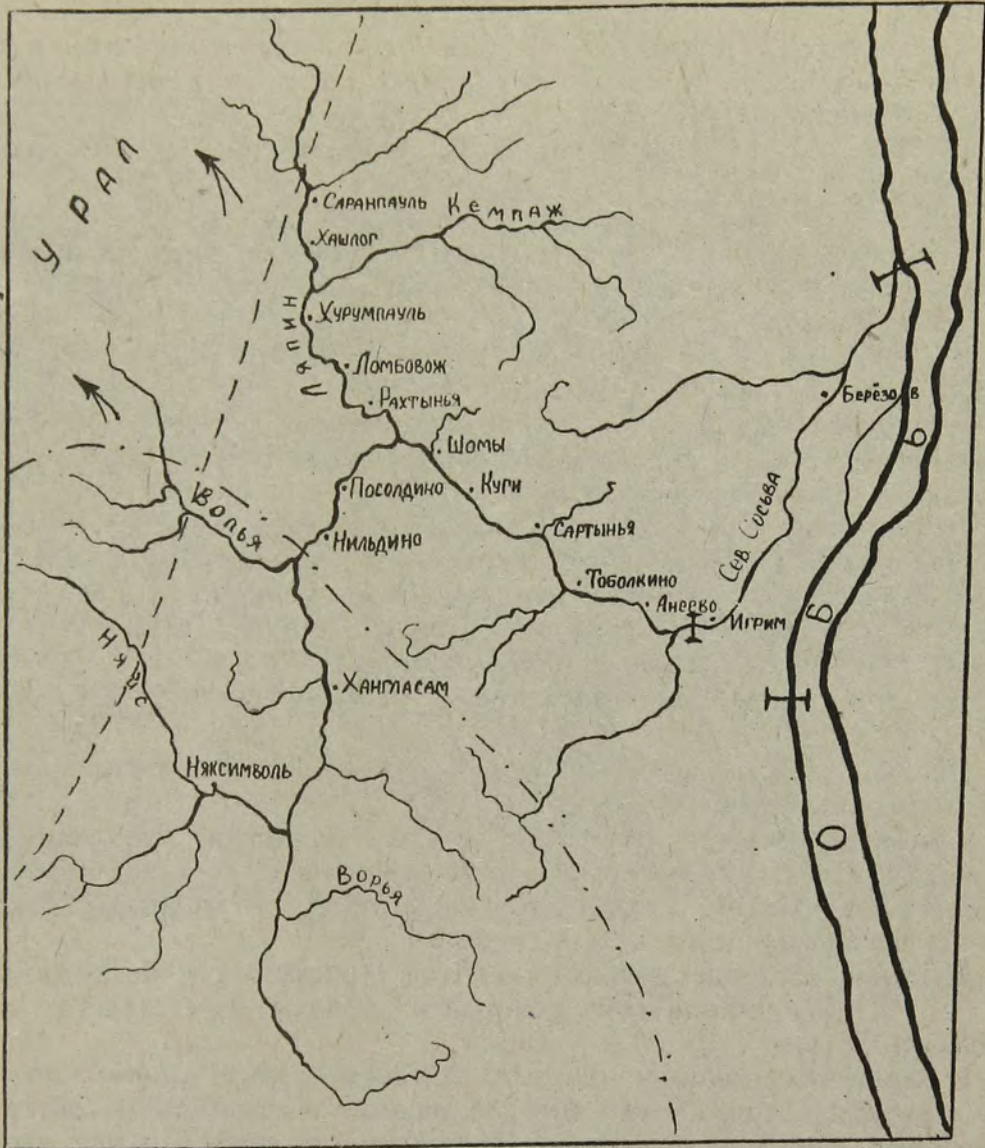
Призадумались. Держим совет. Застынуть в далекой тайге никому не хотелось.

— Денек еще надо пожить возле тайменной ямки, — настаивал художник. — Сколько дней ехали сюда, и сразу уплывать!

Я с тревогой оценивал положение. Борису предстоит еще долгий путь до Няксимволя. Он может «застыть» по дороге. С нами легче: нам все равно зимовать в этих краях, до Устина дотянуть не трудно. Уговорились — еще день проведем в снегу.

К вечеру другого дня, основательно продрогшие за дорогу, мы ввалились в избу ворьянских отшельников. Старик Анемгуров подсмеивался над нами:

СОСЬВИНСКОЕ ПРИОБЬЕ В XVII—XIX ВЕКАХ.

районы весенне-летнего выпаса оленьих стад
 основные места зимнего охотничьего промысла
 районы летнего рыболовства

— Правду я говорил, что вернетесь! Медведь сейчас берлогу ищет, а человек к избе тянется.

От таких предостережений мы поспешили к избе Тапсватпауль, где должны зазимовать. Устин встретил нас также с усмешкой.

— Что? Снега испугались? Примчались, а еще с месяц будем плавать по Тапсу.

Он рассказал о странной особенности своей реки не застывать, когда все притоки ее скуются льдом.

— Какая-то вода в Тапсуе особенная. То ли болотная, теплая и поэтому долго не застывает. То ли ключи бьют со дна, — рассуждал охотник.

За наше отсутствие они с Акулиной приготовили нам прибрежную избу, а сами перебрались жить в свою зимнюю «резиденцию» в глубине кедрача.

— Располагайтесь. Дрова там, вода рядом, — показал Устин на лес и реку.

Задержать Бориса надолго нам не удалось. Он рвался домой: его пугало, что Северная Сосьва может перегордиться ледяными заторами. Через несколько дней Шалагинов умчался в Няксимволь. И мы остались без моториста.

— Не унывайте, мужики! Еще поплаваем. Я вам хорошие места покажу! — успокаивал Устин.

Заморозки наступили неожиданно, раньше того срока, какой обещал охотник. Соседнее с избой озерцо покрылось тоненьким ледком. Затвердел в сырых местах мох.

Интересным было зрелище осеннего ледохода, а за ним и ледостава. Сначала шуга поплыла по Тапсу — измельченный лед с заберегов. Потом потащило большие льдины. Они скопились на крутых излучинах реки и образовали заторы. Однажды поутру вся река перед избой была в застывших ледяных многогранниках.

Вот так подкралась зима к нашему Тапсватпаулю.

* * *

Первый снегопад в тайге — явление торжественное. Наступает оно тихо, незаметно.

Однажды упадет тебе на рукав лучистая снежинка — первая разведчица зимы. Залюбуешься этой красавицей, ее удивительным строением, изяществом. Потом упадет другая, третья — и ты уже видишь, что с неба бесшумно летит целый снежный рой.

Таежник встречает первый снегопад с радостью и надеждами.

— Через день-другой белковать пойдем! — как-то по-особенному произнес Устин.

И застучал топором охотник. Еловую чурку длиной до двух метров он разрубил вдоль на две половины. Старательно обтесал топором, заготовил две толстые плахи. Постепенно в грубой доске вырисовывалась заготовка для широкой охотничьей лыжи с высоким подъемом в том месте, где должна стоять нога. Дальше в ход пошли рубанок, стамеска, коловорот — вскоре плаха превратилась в настоящую лыжу. Такая же работа была проделана с другой половиной чурки.

Заостренные концы лыж Устин распарил горячей водой и загнул. Затем высушил их в избе, на рейках у потолка. Более кропотливой работой была обшивка полозьев камусом — шкурками с ног лося. Прошло не более недели, как новые лыжи уже красовались возле избы Устина.

И однажды в морозной тайге разнесся веселый лай собак. Это Устин с Акулиной пошли на охоту. Первый снег принес им удачу. На другой же день на внутренних стенах их жилья сушилось

до двух десятков вывернутых наизнанку беличьих шкурок. Особняком висела шкурка соболя, тоже вывернутая.

Я поздравил супругов с первой добычей. И в шутку сказал охотнику:

— А мы уже успели заготовить свои кинотрофеи по боровой дичи.

— Тебе легко: глухари-то с косачами прямо к избе прилетают...

— Не сказал бы, что легко, — покачал я головой.

— Хотя верно говоришь, — подумал Устин. — Тоже бродишь, охотишься, как мы. Только не стреляешь...

Приятно было слышать, что таежник понимал киноохоту и причислял меня со своим безвредным ружьем — кинокамерой — к своим собратьям.

(Окончание в следующем номере)

Фото М. Заплата

БЕРЕГОВАЯ ЛАСТОЧКА

На противоположной стороне протоки Омут у села Елизарово, у самой кромки воды — невысокий обрывчик, а в нем темнеет несколько дырочек. Несколько раз в день я вижу, что какие-то маленькие птички залетают в дыры, не боясь удариться об землю. Проходит совсем немного времени и они, как ни в чем не бывало, вылетают, принимаясь кружиться над водой.

Гриша сказал мне, что этих птичек звать стрижиками, а почему стрижиками — объяснить не смог.

Стрижик, а точнее, береговая ласточка знакома многим жителям округа. Каждый год, когда начинается купание в речках, мальчишки раскапывают норки под обрывами, чтобы посмотреть, что в гнезде — яички или птенцы. Посмотрят, разорят гнездо, а трудолюбивой и полезной птичке вновь приходится рыть норку,

перебрасывая в сутки земли в десять раз больше своего веса. Так что, если школьник весит 25-30 кг, то ему, для того, чтобы сравниться в работоспособности с ласточкой, надо перебросить за день 250-300 кг земли.

В наших краях для береговой ласточки сложились очень благоприятные условия для жизни и выведения птенцов: обилие корма, воды и обрывов из мягких осадочных грунтов. В подходящих местах, например, по правому берегу Иртыша и особенно Оби — ниже устья Иртыша — они селятся большими скоплениями-колониями в несколько сот пар, располагая норки парой в два яруса. На изобилие ласточек обращал внимание А. Брем во время своего путешествия по Оби в 1878 году.

Жизненные условия летом для ласточек хороши, да вот боятся они холодов и на зиму улетают в самые теплые края — Индию, Африку. Когда приходит пора возвращения, новые пары стрижей совершают продолжительное и опасное путешествие, во время которого много их гибнет. Летят они обычно табунками и появляются каждый год почти в одно и то же время — 20-25 мая. Прилетая на родину, два-три дня осматривают обрывы. Обычно свой выбор они останавливают на тех, где сохранились прошлогодние норки. Сделав выбор, дружно, всем табунком, принимаются за рытье норок.

В трудной работе принимают участие самец и самка по очереди. Выщипывают «пещерку» своими маленькими клювами. Когда норка углубляется и земля кучкой скапливается перед входом, ласточки помогают себе лапками. Они, как курицы, отбрасывают ее назад. Готовая норка бывает прямая и с поворотом, длиной до метра. В конце делается расширение и углубление — лоток для гнезда. Само гнездо представляет собой рыхлую постройку из сухих травинок, хвоинок кедра и пушинок. Пушинки обычно появляются после откладки яиц. Строительный материал ласточки стараются поймать в воздухе, но часть его им приходится собирать на земле. Заметив травинку, они садятся как можно ближе к ней — лапки у ласточки мало приспособлены для ходьбы.

Размером ласточки меньше воробья и весят 15-17 граммов. Самец и самка по внешнему виду и окраске выглядят одинаковыми: сверху серые, снизу белые, только на груди серый пояс. Головка — серая с коротким плоским клювом и парой темноватых, маловыразительных глаз. С момента начала строительства норок до момента вылета птенцов из них береговушки около своих обрывов-колоний постоянно табунятся, при этом чаще всего двигаются по кругу в своеобразной «карусели». В этой «карусели» они кружат весь день. Одни птички «ныряют» в норки, чтоб столкнуть кусочки земли или принести корм, другие «выныривают», чтоб совершить несколько кругов, и все это — с характерным для них щебетанием, в котором часто слышится «стриж-стриж». Возможно, поэтому и назвали в народе

ласточку стрижином. Обские ханты называют ее «рап», что примерно означает «береговая птичка».

Весной, устремляясь на родину, ласточки — самцы и самки — летят вместе, как попугайчики, и только по «прибытии» начинают знакомиться, создавать пары на одно лето. В первые же дни прилета самцы, обратившие внимание на самочек, начинают летать за ними, стараясь повторить все их движения. Иногда к влюбленным парам присоединяются другие самцы, тогда слышится недовольное чириканье. Два-три круга совершают ласточки и уже парой возвращаются к обрыву — все решено. Они начинают тяжелую работу по рытью норки с короткими перебивками для игровых полетов, так как время не ждет. Проходит месяц, и все ласточки уже сидят в гнездах, насиживая кладки из 5-6 белых яиц. Тяжести этой заботы самец и самка делят вместе, как и при вскармливании птенцов, для которых в воздухе надо наловить десятки мелких насекомых. Ласточки обычно отыскивают места, где насекомые держатся наиболее «густо», а так как последние в течение суток меняют места своих скоплений, то и ласточки следуют за ними. В сухую погоду крылья у насекомых работают нормально, они летают высоко, и ласточки поднимаются за ними. Перед дождем влажность воздуха повышается, крылья насекомых слабеют, они опускаются к самой траве или воде — то же делают ласточки. Так и получается, что береговушки предсказывают погоду.

В начале июля у ласточек наступает трудная пора кормления птенцов крохотными комариками и мошками, поэтому кружатся они в «карусели» по 13 часов в сутки. С первыми лучами солнца вылетают из норок и весь день в жару или непогоду охотятся за насекомыми. В эту пору в колониях суета: одни улетаю за кормом, другие спешат к норкам. Главная опасность для ласточек — маленький сокол-чеглок. Он обычно с весны селится поближе к большой колонии, потом каждый день по нескольку раз пролетает неожиданно вдоль обрыва. В такие моменты все ласточки взлетают по сигналу тревоги первой увидевшей врага, остальные прячутся в норках. Бывает, что вылетит заботливая птичка за кормом и попадает в лапы хищнику-чеглоку.

Большую угрозу для птенцов представляют обвалы берегов. Бедные ласточки кружатся с тревожными криками, но сделать ничего не могут: на глазах скрываются под водой кучи земли, и вместе с ними маленькие птенцы, ради которых проделан такой далекий путь и вырыта с таким трудом норка.

В начале августа в колониях начинаются последние тревожные дни, связанные с вылетом птенцов. Они уже оперяются и сидят у входа в норки. Родители в этот день летают возле, но корма не дают. Проходит несколько часов, и голодные птенцы один за другим вылетают из норок. Снова звучат тревожные голоса, не все птицы справляются с полетом, падают в воду. Этого момента ждут вороны, которые по тревожным голосам ласточек знают дни вылета.

Заканчивается вылет, и днем колонии пустеют. Птенцы с родителями еще на несколько ночей прилетают, потом все собираются на голых ветвях деревьев, а в поселениях человека — на проводах, как бы на совещание, и ночью, обычно после 20-го числа, отправляются в дальний путь. Тихо и пустынно становится над обрывами.

фото Л. Березницкого

